

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 14, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

- Бузмаков Е. Л., Бузмакова О. Г.* О легитимности и легальности органов городского самоуправления в Сибири во второй половине XIX – начале XX века 5
- Кошелева И. А.* Обязательство как явление правовой действительности: ретроспективный анализ науки и практики 18

Гражданское и предпринимательское право

- Рабец А. М.* Право несовершеннолетнего на компенсацию морального вреда при повреждении здоровья и гибели кормильца (спорные вопросы законодательного регулирования и правоприменения) 26
- Лисица В. Н.* Предпринимательская деятельность: понятие, проблемы и пути их решения 31

Налоговое и бюджетное право

- Ваймер Е. В.* Принципы наложения налоговых санкций 40
- Кукелко Д. В.* Правовая природа и особенности юридической конструкции курортного сбора по действующему российскому законодательству 47

Уголовное право

- Антонова Е. Ю., Романовская М. Н.* Субъект хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами 55
- Некрасов В. Н.* Понятие инноваций в российском законодательстве как основа для квалификации преступлений в области инновационной деятельности 62
- Сведения об авторах 67
- Информация для авторов 68

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2018. Volume 14, № 2

CONTENTS

Theory and History of State and Law

- Buzmakov E. L., Buzmakova O. G.* About the Legitimacy and Legality of the Bodies of Municipal Self-Government in Siberia in the Second Half of XIX – Early XX Century 5
- Kosheleva I. A.* Obligation as a Phenomenon of Legal Reality: A Retrospective Analysis of Science and Practice 18

Civil and Business Law

- Rabets A. M.* The Right of Minors to Moral Damages when Damage to Health and Death of the Breadwinner (Contentious Issues of Legislative Regulation and Enforcement) 26
- Lisitsa V. N.* Business Activity: The Concept, Problems and Ways to Their Resolvment 31

Tax and Budget Law

- Vaimir E. V.* Principles of the Application of Tax Sanctions 40
- Kukelko D. V.* Legal Nature and Features of the Legal Structure of the Resort Fee under the Current Russian Legislation 47

Criminal Law

- Antonova E. Yu., Romanovskaya M. N.* A Subject of Theft in the Field of Multi-Apartment Buildings Management 55
- Nekrasov V. N.* The Concept of Innovations in the Russian Legislation as the Basis for Qualification of Crimes in the Field of Innovative Activity 61
- Our Contributors 67
- Instruction to Contributors 68

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, Ch. I. Arabaev, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, S. P. Moroz, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54
E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 34.09 + 342 + 93/94
DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-5-17

Е. Л. Бузмаков¹, О. Г. Бузмакова^{2,3}

¹ Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

³ Сибирский государственный университет путей сообщения
ул. Дуси Ковальчук, 191, Новосибирск, 630049, Россия

obuzmakova@mail.ru

О ЛЕГИТИМНОСТИ И ЛЕГАЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анализируются основные правовые акты, регулирующие проведение городской реформы 1870 и 1892 гг., рассматривается организация деятельности пореформенных органов местного самоуправления в городах. Исследуется состав органов городского самоуправления, взаимоотношения, складывающиеся между различными органами власти в городах в результате реализации ими властных полномочий, характеризуются основные направления деятельности городских органов власти. Отмечается, что правовые акты, регулирующие проведение реформы, отличались демократическим характером, ими были введены институты представительной демократии в городах. В то же время допуск к власти имело незначительное количество населения городов, при этом даже лица, имеющие право голоса, неохотно принимали участие в выборах.

Авторы приходят к выводу, что совершенствование системы городского управления повлекло дальнейшее сокращение избирателей и отрыв органов местного самоуправления от населения городов. Политические потрясения 1905 г. привели к политическому банкротству органов городского самоуправления в связи с отсутствием легитимности в глазах основной части населения.

Ключевые слова: местное самоуправление, городская реформа в Сибири, городская дума, городской голова, городские избирательные собрания.

Одной из основных задач права в любой период исторического развития является адекватность существующих правовых норм сложившимся или складывающимся общественным отношениям.

В современной России зачастую приходится сталкиваться с такими особенностями правового регулирования, при которых либо законодательное регулирование не успевает за изменяющимися общественными отношениями, либо органы законодательной власти принимают заведомо невыполнимые

нормы, часто происходит элементарное заимствование норм иностранного права, не соответствующих российским реалиям.

Наиболее важными и касающимися больших групп людей являются такие примеры в сфере публичного права, к какой бы отрасли права они ни относились. Отрасли публичного права инертны, и изменение правил поведения в этой сфере затрагивает практически всё население государства. Частое изменение правовых норм ведет к непониманию гражданами смысла и содер-

Бузмаков Е. Л., Бузмакова О. Г. О легитимности и легальности органов городского самоуправления в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 2. С. 5–17.

жания правовых норм, вносит растерянность в работу органов публичной власти, в то же время полная консервация когда-то принятых правил поведения ведет к косности и отсталости органов власти от общественных отношений, а сами органы власти становятся «тормозом» общественного развития; возникают негативные явления, связанные с функционированием властных структур, а население перестает воспринимать органы публичной власти как институты, имеющие право отдавать распоряжения.

Наиболее важными элементами, характеризующими взаимоотношения органа публичной власти и общества, являются понятия легитимности и легальности органа власти. С легитимностью тесно связаны проблемы делегитимации государственной власти, основной причиной которых является нарушение консенсуса, который традиционно лежал в фундаменте нашего государства и власти. Юридическим выражением легитимности власти служит ее легальность, т. е. нормативность, способность воплощаться в нормах права, ограничиваться законом, функционировать в рамках законности.

В соответствии с действующим законодательством местное самоуправление является формой осуществления народом своей власти¹. Соответственно к органам местного самоуправления могут применяться характеристики легитимности и легальности, характеризующие отношение населения к осуществляемой ими власти.

Важнейшим этапом развития местного самоуправления в России являлся период становления всесословного городского и земского самоуправления в конце XIX – начале XX в., на примере которого можно рассмотреть, как на фоне изменяющихся общественных отношений проходила адаптация правовых норм, легитимация органов городского самоуправления, государственное реагирование на возникающие кризисные явления.

В соответствии с Городовым положением от 16 июня 1870 г. учреждения городского самоуправления немедленно формировались в городах Томске и Тобольске, а в остальных городах Западной и Восточной

Сибири в ближайшее время по усмотрению Министра внутренних дел². Такими учреждениями определялись городские Избирательные Собрания, Городская Дума, Городская управа.

Городское Избирательное Собрание представляло собой временный орган, собираемый один раз в четыре года, единственной целью которого определялось избрание гласных Городской Думы (п. 16). Возглавлял Собрание Городской Голова (п. 30). Городское Избирательное Собрание было не вправе давать никаких инструкций избираемым гласным (п. 40).

Правом голоса на территории городских поселений обладали русские подданные, достигшие 25-летнего возраста, владеющие на праве собственности недвижимым имуществом либо содержащие торговое или промышленное заведение по купеческому свидетельству, либо постоянно проживающие на территории города в течение двух лет перед датой голосования, уплачивающие в пользу города сбор с купеческого, промыслового свидетельства, свидетельства на мелочный торг или на содержание промышленного заведения. При этом за указанными лицами не числился недоимок по сборам (п. 17).

Положение вводило существенный список лиц, которые были не вправе голосовать на городских выборах: осужденные за преступления или проступки, влекущие лишение или ограничение прав состояния или исключение из службы, отрешенные от должности, состоящие под судом и следствием по делам, влекущим лишение прав состояния, признанные банкротами, лишенные духовных званий или исключенные из дворянского собрания по сословным приговорам (п. 18), Губернатор, члены губернского по городским делам присутствия, члены Губернского правления, служащие местной полиции (п. 19). Женщины и подданные в возрасте от 21 до 25 лет имели право дать доверенность на участие в выборах родственникам мужского пола, достигшим возраста 25 лет (п. 20).

Городское избирательное собрание делилось на три равные части в зависимости от размера сборов, которые платили избиратели: первая часть – максимальный размер,

¹ Федеральный закон от 6 октября 2013 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

² ПСЗ. Т. XLV. С. 821. URL: <http://www.runivers.ru> (дата обращения 20.04.2018).

составляющий одну треть всех городских сборов, вторая часть – средний размер, до трети сборов, третья часть – все остальные избиратели (п. 24).

Пассивным избирательным правом обладал каждый имеющий право голоса на выборах, в том числе лица, голосующие по доверенности (п. 35). Правом выдвижения кандидатов в гласные обладали сам кандидат или любой из избирателей (п. 37).

Собрание по избранию гласных было правомочным при наличии числа избирателей большего числа гласных. Голосование могло проходить в два тура. Для избрания в гласные было необходимо получить большинство голосов присутствующих избирателей. В случае если число избранных гласных было меньше установленного числа, проводился второй тур, по результатам которого избранными считались любые кандидаты, набравшие большее количество голосов независимо от достижения результата в 50 % от общего числа избирателей, принимавших участие в голосовании (п. 38).

Городская Дума – постоянно действующий городской орган, работающий на непрофессиональной основе, минимальное количество заседаний не менее двух раз в год для рассмотрения росписи городских доходов и расходов (п. 56). Дума состоит из гласных Городской Думы в количестве, определяемом в зависимости от числа избирателей, от 30 до 72 гласных (п. 48). Председателем Думы по должности являлся Городской Голова, одновременно возглавлявший Городскую управу, а гласными Думы могли быть члены Городской управы (п. 50).

Основными полномочиями Думы являлись: назначение должностных лиц Городской управы (п/п 1 п. 55); установление, изменение городских налогов (п/п 3 п. 55); определение возможностей займов (п/п 6 п. 55); утверждение городской сметы (п/п 8 п. 55); установление правил пользования городским имуществом (п/п 10 п. 55); определение порядка работы исполнительной общественной власти, включая принятие положений о работе (п/п 11 п. 55); принятие правил благоустройства (п/п 12 п. 55); плана города (п/п 13 п. 55).

Правом голоса в Думе пользовались избранные гласные Думы, при этом гласными имели право быть служащие Городской управы. Правомочность заседания Думы

определялась в присутствии на заседании не менее одной трети от установленного числа гласных. Решение принималось простым большинством голосов от числа присутствующих на заседании (п. 66). Исключение составляли случаи, когда на заседании рассматривались следующие вопросы: приобретение и отчуждение недвижимого имущества; займы, поручительства, гарантии, перевод натуральных повинностей в денежные; отстранение от должности лиц городского общественного управления и предания их суду. В последнем случае требовалось не менее половины от установленного числа гласных и голосование большинством в две трети от присутствующих на заседании гласных (п. 67).

Проекты решений по вопросам благоустройства согласовывались с начальником местного полицейского управления, который давал по ним свое заключение (п. 104).

Решения Думы направлялись губернатору, который в случае отсутствия нарушения законов публиковал их в губернских ведомостях (п. 68), также решения Думы могли публиковаться в специально учрежденном издании. Помимо губернатора Городская управа обладала правом приостановить исполнение решения Думы или признать его незаконным. В последнем случае для разрешения спора между Думой и управой решение передавалось губернатору, который принимал окончательное решение на основании мнения Губернского по городским делам присутствия.

Городская управа – постоянно действующий коллегиальный орган исполнительной власти, который состоял из Городского Головы, членов Городской управы и Городского секретаря. Количество членов управы определялось Думой, но не могло быть менее двух помимо председателя (п. 70). Все указанные лица избирались Городской Думой (п. 82). Для занятия должности члена Городской управы вводились ограничения. Членами управы не могли быть: братья, отец и сын, тесть и зять (п. 87), духовные лица, члены судебных мест, за исключением Почетных мировых судей. Прокуроры и их товарищи, чиновники казначейств (п. 89), а государственные служащие вправе были занимать должности с согласия начальства (п. 90). Отдельный запрет касался замещения должностей в Городской управе евреями, а всего нехристиан в составе управы

могло быть не более одной трети состава (п. 88).

Срок исполнения полномочий членами Городской управы составлял четыре года с ротацией половины состава управы каждые два года (п. 94), а срок работы в должности Городского секретаря определялся Думой.

Городской Голова имел особый правовой статус. Избирался городской Думой на срок 4 года (п. 82, 94), утверждался в губернском городе министром внутренних дел, а в других городах губернатором (п. 92). Городской Голова возглавлял Городскую управу и был Председателем городской Думы (п. 48, 70), объединяя тем самым обе ветви власти. Городской Голова пользовался правом ношения специального мундира, по специальному, Высочайше утвержденному, образцу.

Для разрешения конфликтных ситуаций и споров между органами полиции, органами городского общественного самоуправления, а также органами городского самоуправления между собой согласно п. 11 Городового положения создавалось Губернское по городским делам присутствие. В его состав входили: губернатор, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель мирового съезда, председатель Губернской Земской управы, городской голова губернского города. В Сибири, в которой земское управление не вводилось, а судебные уставы были введены в 1896 г., вместо указанных лиц в состав присутствия входили губернский прокурор и член Губернского по крестьянским делам присутствия (п. 11).

Многие вопросы, рассматриваемые органами городского самоуправления, нуждались в последующем согласовании Министром внутренних дел (для губернских городов) или губернатором (для иных городов). К таким вопросам, помимо уже указанного согласования Городского Головы, относились: устройство торговой полиции (п. 111), порядок действий по надзору за производством торговли и других промыслов (п. 112), изменения в городских планах или утверждение этих планов (п. 113), о передаче в частные руки земель общественно-го пользования, стесняющих проезд или проход (п/п «б» п. 122), установление платы за проход и проезд по сооружениям, воздвигнутым за городской счет (п. 123), утверждение займов, поручительств, гарантий от имени города, превышающих сумму го-

родских доходов за два последних года (п. 124).

Городское самоуправление в сибирских городах вводилось не одновременно: 1871 г. – Томск, 1872 г. – Тобольск, Тюмень, Омск, Ишим, Красноярск, Иркутск; 1875 г. – Чита; 1876 г. – Колывань, Березов; 1877 г. – Барнаул, Бийск. При этом участие жителей городов в избирательных процедурах было минимальным. В частности, в наиболее густонаселенном Томске – 33 800 жителей – правом на участие в голосовании обладали 947 человек, что составляло 2,79 % от общего числа жителей, а в выборах приняло участие 250 человек, что составляло 0,65 % от общего числа жителей и 25,48 % от числа лиц, имеющих право на участие в голосовании. Аналогичная ситуация была в иных крупных городах. В малых городах количественные показатели участия в голосовании были несколько лучше. В Колывани с численностью населения 3 900 человек правом голоса обладали 646 человек, что составило 16,56 % от общего числа жителей, а в голосовании принимало участие 270 человек, т. е. 6,92 % от общего числа жителей или 41,79 % от числа лиц, обладавших активным избирательным правом [1].

Численность избранных гласных определялась в соответствии с п. 48 Городового положения и составляла до 30 гласных в населенных пунктах с численностью избирателей до 300 человек и до 72 гласных с численностью избирателей свыше 300 чел.

Соответственно в сибирских городах было следующее количество гласных:

- Томск – на выборах 2 декабря 1870 и 8 января 1871 г. избрали 57 гласных; впоследствии избиралось 72 гласных³;
- Красноярск – на выборах 24–30 ноября 1870 г. избрано 36 гласных [2. С. 150];
- Тобольск и Тюмень – на выборах 1872 г. избрано по 72 гласных [3];
- Иркутск – выборы ноябрь 1872 г. – 72 гласных [4. С. 10, 11];
- Чита – выборы 18–31 марта 1875 г. – 30 гласных [5];
- Барнаул – выборы 1877 г. – 72 гласных [6];
- Колывань – выборы 1876 г. – 27 гласных [8];

³ Свод постановлений Томской городской Думы. 1871 год. Л. 1, 5. URL: <http://elib.tomsk.ru> (дата обращения 20.04.2018).

• Омск – выборы 1877 г. – 60 гласных [8].

Избирательные собрания в основном справились со своей работой, однако в связи с практически полным отсутствием разъяснительной работы, слабым представлением о содержании Городового положения, особенностями голосования методом баллотировки шарами, избрание вызывало непонимание избирателя [4. С. 12]. Такие факты были отмечены в Иркутске, а в Томске вместо положенных по положению 72 гласных было избрано всего 57.

Городские думы, как любой представительный орган, являлись ареной политической борьбы. В 1873 г. Томский губернатор отмечал, что в деятельности думы «замечается сословная рознь». В периодике этого времени указываются: противоборство виноторговцев Томска с городской думой; борьба «торгашей и барышников против горного элемента» в Барнаульской думе; в Бийской думе шла борьба между группами купечества (купцами виноторговцами и «красноярцами»), в Каинской – среди виноторговцев [9].

Практически все исследователи отмечают преимущественно купеческий состав городских дум, а также малую сменяемость состава гласных. Действительно, формирование представительного органа по принципу разрядов обеспечивало преимущество купцов в их составе. Например, в Красноярске большинство мандатов гласных в Думе первого созыва составляли купцы – 24 человека, мещане – 10 гласных, чиновники – 8, духовенство и казаки – по одному представителю. При этом образовательный уровень составлял: 3 – высшее образование, 10 – среднее образование; 27 гласных – низшее образование, 5 гласных без образования [2. С. 165].

Должность городского головы согласно Городовому положению являлась ключевой в сфере городского управления. Голова фактически объединял в своем лице всю власть в городе, являясь не только руководителем исполнительной и представительной власти, но и председателем Избирательного Собрания. Первое избрание городского головы, представляющего собой всю городскую власть, происходило в основном без замечаний, однако в последующие годы при понимании властных возможностей градоначальника при избрании возникала серьезная борьба в крупных городах. В то же время в

малых городах градоначальники не редко переезжали и досрочно слагали с себя обязанности.

В Иркутске за период 1872–1892 гг., т. е. до введения в действие нового городского положения, градоначальниками были четыре человека, при этом второй избранный градоначальник М. И. Пономарев не доработал до истечения установленного срока полномочий: избран в 1875 г., ушел с должности в 1877 г. Его преемник Д. Д. Демидов, пришедший на должность в 1877 г., работал до 1886 г., при этом его деятельность сопровождалась публичными скандалами, критическими публикациями, судебными исками. В. П. Сукачев, избранный городским головой Иркутска в 1886 г., напротив, неоднократно получал поддержку и работал в должности до своего отъезда в Санкт-Петербург в 1898 г., при этом иркутские гласные в 1914 г. предлагали ему снова избраться на должность, от которой популярный градоначальник отказался [4. С. 37–59].

Определенные сложности в отношениях между городским сообществом и органами власти создавала конструкция утверждения городского головы министром внутренних дел или губернатором. В 1879 г. такие сложности возникли при утверждении городского головы Омска. Городская Дума избрала на пост городским головой Н. Ф. Соколова. Однако губернатор не утвердил его в должности и предложил кандидатуру статского советника А. С. Алфимова. В ответ на подобные действия Дума проголосовала против губернаторского кандидата. В конечном счете городским головой избрали отставного генерал-майора В. В. Маслова. За него проголосовало 24 члена городской Думы, против – 14 [1].

Коррупционная составляющая местной власти особенно сильно проявилась в уездных городах, в которых шло острое соперничество между гласными из мещан и купцов, а городским головой становился самый влиятельный купец, который в таких условиях обладал огромной властью. В 1881 г. в Бийске городским голову Дробинина обвиняли в укрывательстве гласного Овчинникова, уличенного в краже. В ноябре 1881 г. мещанское общество Каинска обвинило городского голову И. Ерофеева в незаконном выделении земли для семейного винокурного завода, вызвавшего рост цен на предметы первой необходимости. В феврале

1890 г. там же отдали под суд заступающего место городского головы Л. В. Шубина. Он обвинялся в незаконном расходовании городских средств. В апреле 1881 г. городской голова Мариинска Савельев по заниженным ценам без торгов продал землю своей жене. Члена томской городской управы Ермолаева судили за растрату 4 тыс. руб. Большой резонанс в Сибири получила казнь читинского городского головы купца Алексеева за нападение на почту 5 января 1887 г. [1].

Городские управы являлись основным исполнительным органом власти. Они состояли из чиновников, избираемых на период полномочий Думы, и исполняли текущую деятельность. Если в крупных городах с большим количеством образованных людей, понимающих законодательство и специфику работы административных учреждений, проблем не возникало, то в малых городах даже с формированием самой управы возникали сложности. Например, в Мариинске, в котором городское самоуправление было введено в 1875 г., городская управа осуществляла свои полномочия в минимально возможном составе: городской голова, два члена управы и два кандидата к ним. При этом сложности с ротацией такого кадрового состава привели к тому, что Томский Губернатор с 1876 по 1884 г. не признал результатов выборов управы [10].

Городские органы власти иногда брали на себя роль тарифного регулятора. Например, в Красноярске органы городского управления требовали установить приемлемые цены на основные продукты питания. В определенный день и час представители городской власти приглашали в городскую управу всех торговцев, например мясом, и вместе с ними устанавливали приемлемую для кошелька горожан цену. После этого установленная такса отпечатывалась и вывешивалась на базарах и в иных общественных местах [2. С. 165].

В течение двадцатилетнего периода функционирования городских учреждений по Положению 1870 г. определились следующие основные проблемы работы городских учреждений: преобладание купеческого состава в думах крупных городов, срывы заседаний, малая сменяемость состава гласных, низкая компетентность основного состава гласных, неопределенность полномочий органов, сложности в организации самоуправления в малочисленных городах.

Отдельной и неразрешимой сложностью в организации местного самоуправления являлось само место органов городского самоуправления в административной системе Российской империи. В монархическом государстве, в котором любая местная власть назначалась по административной вертикали, формировались органы путем относительно демократических процедур, причем распространялась эта возможность не на всё население, а на наиболее богатую прослойку горожан и чиновников. И если в городах центральной России, в которых помимо городского положения работало и Земское положение 1864 г., выборы проходили на конкурентной основе, то в сибирских городах, очевидно, эта реформа воспринималась как причуда власти, совершенно не заинтересовавшая население. Интерес к самоуправлению проявляли исключительно те, кто осознавал связанные с участием свои преимущества, в том числе коррупционного характера.

Тем не менее, несмотря на отсутствие серьезных противоречий в организации нового института, местное самоуправление в сибирских городах подверглось реформированию в 1892 г. вместе со всеми местными органами Российской империи.

Наряду с изменениями, касающимися лиц, обладающих активным избирательным правом, Положение 1892 г. внесло большие изменения, связанные с порядком работы органов городского самоуправления.

Изменения в части организации выборов затронули три большие позиции: во-первых, существенно изменились основания для предоставления активного избирательного права для физических лиц; во-вторых, активное избирательное право предоставлялось юридическим лицам; в-третьих, изменился порядок голосования: отменялась разрядная система, вводилось голосование по избирательным участкам.

Из числа физических лиц избирательное право согласно Положению 1892 г. предоставлялось российским подданным, достигшим 25 лет, владеющим не менее одного года недвижимым имуществом на праве собственности или пожизненного владения, обложенным оценочным сбором в пользу города; в сибирских городах – губернские города – не менее 1 000 р., в иных городах – не менее 300 рублей (п. 24), а также лицам, содержащим торгово-промышленные пред-

приятия, требующие выборы свидетельства первой или второй гильдии. Таким образом, налоговый ценз, ранее применявшийся для определения круга лиц, пользующихся активным избирательным правом, заменялся имущественным цензом. Одновременно, расширялся список ограничений для участия в выборах. По сравнению с Положением 1870 г., помимо осужденных, находящихся под следствием, банкротством, лишенным духовного сана, добавлялись лица, состоящие под гласным надзором полиции, владельцы и продавцы винных лавок и питейных домов, а также лица, за которыми имелись недоимки по городским сборам более 6 месяцев (п. 33).

Юридическим лицам право голосования предоставлялось первый и единственный раз за всю историю России. К таким организациям относились: общества, товарищества, компании, благотворительные, ученые и учебные заведения, владеющие недвижимым имуществом (п. 24).

Количество подданных, пользующихся активным избирательным правом, по оценкам исследователей, существенно сократилось. В частности, в Томске с 944 до 587 чел., в Барнауле с 1 370 до 237, в Колывани с 646 до 65. Общий процент лиц, обладающих активным избирательным правом, снизился до крайне низких показателей [1; 2. С. 160–189; 5; 9; 11] (см. таблицу).

Динамика численности избирателей в Сибири в 1870–1897 гг.

Город	Период					
	1870–1875	1897	1870–1875		1892–1897	
	Число жителей		Число избирателей	в %	Число избирателей	в %
Томск	33 800	52 430	944	2,79	587	1,11
Тобольск	17 503	22 752	1 507	8,6	84	0,36
Омск	29 594	37 300	1 346	4,54	280	0,75
Красноярск	13 000	26 600	517	3,97	160	0,6
Иркутск	32 246	51 484	2 213	6,86	1 819	3,53
Чита	1 489	11 032	270	18,13	88	0,79

Осмысленность таких ограничений, которые привели к существенному снижению количества избирателей, представлялась сомнительной как в период проведения реформы, так и в наши дни.

Изменения порядка голосования, ограничения избирательных прав и процедуры голосования сразу привели к шероховатостям. В частности, в целом ряде городов выборы очередного состава Думы привели к скандалам и разногласиям. В Томске произошел конфликт между Губернатором, МВД и городской управой о дате проведения голосования; в Каинске были отменены выборы в связи с участием в голосовании лиц, не имеющих права голоса; в Бийске городской голова назначил голосование на такое количество мандатов в Думе, которое установил самостоятельно, явно превысив свои полномочия [1]; в Иркутске не смогли избрать полный состав гласных при первом голосо-

вании, а избранные подверглись публичной критике [12]; отменены выборы должностных лиц города Иркутским губернским по городским присутствиям 17 марта 1894 г.⁴

Вполне обоснованными и своевременными стали изменения, касающиеся внутренней организации деятельности органов городского самоуправления, что позволило повысить эффективность работы.

В части Городской Думы была сокращена численность гласных. С 1892 г. в поселениях с числом избирателей менее 100 избиралось 20 гласных; а затем прибавлялось по три гласных на каждые 50 избирателей;

⁴ Распоряжение «Об отмене выборов, произведенных Иркутской городской Думой на должности городского головы, членов городской управы и городского секретаря, и по вопросу о сроке введения в г. Иркутске городского положения 1892 г. // Изв. Иркутской городской Думы. 1894. № 8. С. 55–59. URL: <http://i.irklib.ru> (дата обращения 20.04.2018).

максимальное число для сибирских городов составило 60 в губернских городах и 40 в иных городах (ст. 56). В состав Думы, помимо избранных на всеобщих выборах, вводился с правом голоса депутат от духовного ведомства, что было связано с запретом духовенству участвовать в выборах (п/п 2 п. 57). Для повышения ответственности избранных гласных вводилась обязывающая норма об обязательном присутствии на заседании Думы с возможным уголовным наказанием по статье 1440¹ Уложения о наказаниях, которым устанавливалось максимальное наказание в виде штрафа в размере 75 рублей и исключения из Думы. Положением определялись количество заседаний Думы – от 2 до 24 раз в год (п. 64), субъекты инициативы рассмотрения (п. 67); изменялся кворум для правомочности заседания: не менее одной трети для Думы с количеством гласных менее 40 – половина состава, а более 40 – не менее одной трети от установленного числа гласных (п. 70), при этом по основным вопросам – распоряжение имуществом, займы, застройка территории, ответственность должностных лиц – требовалось простое или квалифицированное большинство в зависимости от числа гласных (п. 71).

Законодательно закреплялось число членов городской управы, количество членов управы не могло составлять менее двух помимо Городского головы, а в губернских областных и значительных уездных городах – три члена управы (п. 90). Для повседневной работы формировались исполнительные комиссии, порядок работы которых устанавливался Городской Думой (п. 103). При этом городской голова, его товарищ или помощник, члены управы считались находящимися на государственной службе (п. 121).

Положением более детально определялись полномочия органов городского управления, ранее выпадавшие из нормативного регулирования. В частности, закреплялось право Думы на регулирование вопросов о ценах на хлеб, муку, средства сообщения (п/п. I п. 78). Изменения в части согласований с вышестоящими органами власти носили скорее косметический характер, однако впервые устанавливалась особенность сибирских регионов и неразвитость средств связи. Так, в Иркутской и Енисейской губерниях, Акмолинской и Забайкальской областях постановления Думы,

подлежащие согласованию с министром внутренних дел, разрешалось согласовывать с генерал-губернатором с последующим доведением до министра внутренних дел.

Согласно Положению 1892 г. его правила применялись в полном объеме и в упрощенном варианте (п. 22). «Правила о упрощенном городском общественном управлении» устанавливались приложением к статье 22 Городового положения 1892 г. Согласно Правилам при упрощенном порядке городская Дума не избиралась, а ее полномочия осуществлялись собранием городских уполномоченных (п. 1). Городские уполномоченные избирались сходом домохозяев из числа лиц, владеющих недвижимым имуществом, стоимостью не менее 100 р.⁵

Порядок избрания и полномочия собрания городских уполномоченных в своих основных чертах повторяли полномочия городских дум, определенных Городовым положением. Вместе с тем для уточнения порядка работы была принята «Инструкция по организации городских упрощенных управлений», утвержденная министром внутренних дел 30 мая 1893 г.⁶

Согласно указанным документам собрание городских уполномоченных было вправе выносить общественные приговоры по большинству вопросов, отнесенных к ведению городских дум в городах с обычным порядком самоуправления, однако не имело права на издание обязательных постановлений (в связи с чем нормы по вопросам, отнесенным к ведению городов, могли устанавливаться только распоряжением губернского начальства), а также заниматься градостроительной политикой⁷.

Собрания были обязаны собираться от 4 до 24 раз в год (ст. 26 инструкции по организации городских упрощенных управлений, утвержденной МВД 30.05.1893). Для принятия решения требовалось присутствие не менее двух третей его членов и голосова-

⁵ Приложение к статье 22 Правил о упрощенном городском общественном управлении // Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / Составил присяжный поверенный М. И. Мыш. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. наследников И. А. Фролова, 1897. 887 с. Издание неофициальное. URL: <https://www.prilib.ru> (дата обращения 20.04.2018).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ние не менее половины от присутствующих (ст. 30).

Для повседневной работы собрание уполномоченных избирало на 4-летний срок полномочий городского старосту (п. 7, 9). В обязанности старосты входили: исполнение решений собрания, текущие хозяйственные дела, составление проектов смет и денежных отчетов, составление справочника цен, дела по мещанскому управлению (п. 8)⁸.

Упрощенная форма была введена в небольших городах Западной Сибири – Кузнецке, Нарыме, Тайге, Татарске, Боготоле, Березове, Сургуте, Туринске, Тюкалинске и Ялуторовске, Новониколаевске. При этом в 1903 г. в Новониколаевске было введено самоуправление по упрощенной форме [13], а уже в 1908 г. в связи с ростом города в Новониколаевске было введено полное городское самоуправление [14]. Обратные процессы проходили в городах, через которые в силу различных обстоятельств основная магистраль Сибирской железной дороги не прошла. Наиболее типичными примерами являются Колывань и Каинск. Развитые в конце XIX в. города с численностью населения 3 900 и 5 450 человек соответственно, города в которых городское управление было введено еще в 1876 г., после постройки железнодорожной магистрали стали стремительно терять население и доходы местных бюджетов. В результате в 1907 г. в Колывани было введено упрощенное городское управление [15].

Несмотря на существенные ограничения в части избирательных прав и полномочий органов городского самоуправления, местная власть в основном справлялась со своими обязанностями по хозяйственному обустройству городов и малых населенных пунктов. Однако при первом серьезном потрясении, которым стала революция 1905–1907 гг., сказался недостаток легитимности городских органов. Органы городского управления накануне и в период революции выступили с политическими требованиями, заявлениями, что немедленно вызвало ответную реакцию со стороны значительной части населения, не вполне понимающего, каким образом в монархическом государстве ничтожная часть богатого населения, по-

лучившая власть путем избрания ничтожной частью населения, выступает против верховной власти императора.

Накануне и в ходе революции представительные органы городского самоуправления несколько вышли за пределы полномочий, предоставленные им Городовым положением, и активно включились в политическую борьбу. В декабре 1904 – январе 1905 г. гласные городских Дум принимали участие в «банкетной кампании», посвященной 40-летию судебных уставов, однако на банкетах призывали к вооруженному восстанию.

В Сибири такие кампании прошли в Красноярске, Томске и Иркутске. Красноярская Дума 26 января 1905 г. выступила против расправы 9 января, а в марте 1905 г. – с предложениями по формированию представительства Енисейской губернии в выборах Булыгинской думы, при этом закрепляя избирательные права исключительно за теми лицами, которые были допущены к голосованию в городскую Думу [1].

Иркутская Дума в ноябре 1904 г. приняла постановление о необходимости созыва Всероссийского съезда представителей городского самоуправления [16. С. 194]. В феврале 1905 г. по инициативе 30 гласных Дума приняла адрес царю и записку в Совет Министров с просьбой об изменении государственного строя. Гласные предлагали созвать народное представительство на основе четырехчленной формулы и ввести демократические свободы. 7 апреля гласные думы направили царю адрес с одобрением предполагаемого введения земства в Сибири. Она продлила полномочия комиссии И. И. Попова, созданной для подготовки адреса и записки, и поручила ей выработать проект положения о земских учреждениях в Сибири. Комиссия подготовила «Положение о земских учреждениях в Сибири», одобренное Думой. 13 апреля в общественном собрании Иркутска состоялось заседание по вопросу об изменении государственного устройства, созыве Государственной Думы и введении земства [1].

Активное участие в общественно-политическом движении Сибири приняли гласные Томской Думы. 18 января они приняли резолюцию о сочувствии жертвам 9 января и об осуждении разгона демонстрации 18 января в Томске. В феврале члены Думы разработали проект организации выборов

⁸ Приложение к статье 22 Правил о упрощенном городском общественном управлении.

народных представительств на основе четырехчленной формулы. На собраниях Юридического общества, проводившихся под руководством гласных Томской Думы И. А. Малиновского, М. И. Боголепова, профессора Н. И. Розена и А. В. Витте, шли собрания, принимавшие резолюции с требованием реформ. В апреле 1905 г. была создана специальная комиссия, которая работала «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири». Проектом предусматривалось введение, помимо уездного и губернского земств, областного и волостного. Продолжением земской реформы они считали преобразование городского самоуправления. Городской голова губернского города должен был возглавлять губернское земское собрание [1].

Сибирские органы городского самоуправления в лице гласных – местных представителей городской элиты – выступили против сложившегося в империи порядка государственного управления. Последствия таких шагов проявились в октябре-декабре 1905 г. Практически во всех городах Сибири произошли столкновения между частью населения и представителями городского самоуправления, при этом здания органов городского управления ощутимо страдали от противоправных действий митингующих мещан и иных жителей городов.

Наиболее сильные столкновения происходили в Красноярске и Томске, а в целом затронули все сибирские города. Анализ событий в Томске показывает, что в условиях слабой организации государственной власти городская Дума фактически упразднила государственное управление в Томске, создала собственные вооруженные отряды, бойкотировала торговлю. Результатом стало вооруженное противостояние в городе с последующим погромом, перестрелками и уничтожением городской управы и дома городского головы А. И. Макушина [17].

Наряду с понятными общественно-политическими причинами беспорядков в ходе кризисных явлений 1905 г. очень отчетливо выразился кризис легитимности органов городского самоуправления. Представляя ничтожно малую часть населения и обладая фактической публичной властью, органы городского самоуправления не только не смогли сохранить спокойствие и порядок для жителей городов, но и сами стали объ-

ектом силового воздействия со стороны широких кругов населения.

Не обладая достаточной легитимностью, представляя в своей основе финансово-купеческие круги, а в целом незначительную часть населения, органы городского управления фактически использовали свою власть для удовлетворения собственных финансовых и политических целей. В условиях монархического государства, в котором легитимность государственной власти строилась на догмате божественного происхождения власти, органы городского самоуправления в глазах широких слоев населения выглядели относительно непонятным элементом. Российское законодательство этого периода в части городского самоуправления оказалось неспособным не только предвидеть такое развитие событий, при котором избранные гласные отстаивали исключительно свои права, но фактически создавало основу для отказа в восприятии этих органов как легитимных носителей власти.

Последовавшие после 1905 г. события и бездействие высших органов государственной власти по приведению законодательства о городском самоуправлении в соответствие со сложившимися общественными отношениями не только не позволило в полном объеме развивать необходимую форму в части городского управления, но и способствовало обострению конфликтов между разными группами населения.

Фактически вместо реорганизации органов самоуправления, предоставления прав широким слоям городского населения органы власти сосредоточились на выборной борьбе и бесконечном обсуждении вопросов о земстве в Сибири. Итогом стало полное установление власти в органах городского самоуправления либеральных представителей местного купечества, промышленников, интеллигенции. В 1917 г. все органы городского самоуправления выступили за революцию и изменение государственного строя.

Список литературы

1. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / К. А. Анкушева, Г. А. Бочанова, Е. А. Дегальцева, А. К. Кириллов,

Г. А. Ноздрин, М. В. Шиловский, Л. Б. Ус. Новосибирск: ИД «Сова», 2006.

2. Бердников Л. П. Вся красная власть. Очерки истории местного управления и самоуправления. 1822–1916. Факты, события, люди. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1995.

3. Томилов И. С. Городская реформа 1870 г. в Тобольской губернии: общероссийское законодательство и региональная реализация. URL: <http://human.snauka.ru> (дата обращения 20.04.2018).

4. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: Биограф. справочник / Сост. А. В. Петров, М. М. Плотникова; отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2011.

5. Насибулин С. А. К истории городского самоуправления в Чите в 1875–1921 гг. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 20.04.2018).

6. Васильев А. А., Ермоленко М. В., Соловьевиченко В. И. Барнаульская городская дума. 1977–2017. URL: <https://ru.calameo.com> (дата обращения 20.04.2018).

7. История выборов в Колыванском районе. URL: <http://arhiv-kolivan.ru> (дата обращения 20.04.2018).

8. Омский городской совет. URL: <http://www.omskgorsovet.ru> (дата обращения 20.04.2018).

9. Лен К. В. Организация городского самоуправления в Западной Сибири после введения Городового положения 1870 г.

URL: <http://new.hist.asu.ru> (дата обращения 20.04.2018).

10. Кос В. В. Формирование, численный состав и функционирование Мариинской городской управы (1876–1896 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 20.04.2018).

11. Храмов А. Б. Особенности местных выборов в городах Западной Сибири в 1890-е годы. URL: <http://naukarus.com> (дата обращения 20.04.2018).

12. Восточное обозрение. Иркутск. 1893. № 64. 17 дек. URL: <http://sun.tsu.ru> (дата обращения 20.04.2018).

13. Ус Л. Б. Об особенностях начального этапа самоуправления в Новониколаевске. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (дата обращения 20.04.2018).

14. Управление Новониколаевском в дореволюционный период. URL: <http://izbirkom.novosibirsk.ru> (дата обращения 20.04.2018).

15. Ноздрин Г. А. Местное самоуправление Каинска и Колывани во второй половине XIX – начале XX в. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (дата обращения 20.04.2018).

16. Изв. Иркутской городской Думы. 1904. № 17–24 URL: <http://i.irklib.ru> (дата обращения 20.04.2018).

17. Шиловский М. В. Томский погром. 20–22 октября 1905 г. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (дата обращения 20.04.2018).

Материал поступил в редколлегию 27.04.2018

E. L. Buzmakov¹, O. G. Buzmakova^{2,3}

¹ *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

³ *The Siberian Transport University
191 Dusya Kovalchuk Str., Novosibirsk, 630049, Russian Federation*

obuzmakova@mail.ru

ABOUT THE LEGITIMACY AND LEGALITY OF THE BODIES OF MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

The article deals with the legitimacy and legality of the urban self – government in Siberia in the second half of the XIX century-the beginning of the XX century.

The main legal acts regulating the city reform of 1870 and 1892 are analyzed, the organization of the activity of post-reform local governments in the cities is considered.

The author studies the composition of the city self-government bodies, the relationships that develop between different authorities in the cities as a result of the implementation of their power, and characterizes the main activities of the city authorities.

It is noted that the legal acts regulating the reform were distinguished by their democratic nature, they introduced the institutions of representative democracy in the cities. At the same time, a small number of the population of cities had access to power, and even those who had the right to vote were reluctant to participate in the elections.

The authors come to the conclusion that the improvement of the urban management system has led to a further reduction of voters and the separation of local governments from the population of cities. The political turmoil of 1905 led to the political bankruptcy of the city authorities due to the lack of legitimacy in the eyes of the main part of the population.

Keywords: local self-government, urban reform in Siberia, city Duma, mayor, city election meetings.

References

1. Ankusheva K. A., Bocharova G. A., Degaltseva E. A., Kirillov A. K., Nozdrin G. A., Shilovsky, M. V., Us L. B. The history of public self-government in Siberia in the second half of XIX – early XX century. Novosibirsk, publishing house «Sova», 2006. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
2. Berdnikov L. P. All Krasnoyarsk power. Essays on the history of local government and self-government. 1822–1916. Facts, events, people. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. publishing house, 1995. URL: <http://docplayer.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
3. Tomilov I. S. Urban reform of 1870 in Tobolsk province: all-Russian legislation and regional implementation. URL: <http://human.snauka.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
4. The mayor, the vowels and the deputies of the Duma of Irkutsk 1872–2011: biogr. directory. Ed.-comp. A. V. Petrov, M. Plotnikova; resp. ed. L. M. Dameshek. Irkutsk, Impression, 2011. URL: <http://ottisk-irk.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
5. Nasibulin S. A. On the history of urban self-government in Chita in 1875–1921. URL: <https://cyberleninka.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
6. Vasiliev A. A., Ermolenko M. V., Solonichenko V. I. The Barnaul city Duma. 1977–2017. URL: <https://ru.calameo.com> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
7. History of elections in Kolyvan district. URL: <http://arhiv-kolivan.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
8. Omsk city Council. URL: <http://www.omskgorsovet.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
9. Len K. V. Organization of city self-government in Western Siberia after the introduction of the City regulations of 1870. URL: <http://new.hist.asu.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
10. Kos V. V. Formation, numerical composition and functioning of the Mariinsky city Council (1876–1896). URL: <https://cyberleninka.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
11. Khramtsov A. B. Features of local elections in the cities of Western Siberia in the 1890s [electronic resource]. URL: <http://naukarus.com> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
12. Eastern Outlook. Irkutsk. 1893. No. 64. December 17th. URL: <http://sun.tsu.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
13. Us L. B. On the features of the initial stage of self-government in Novonikolaevsk. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
14. Management Novonikolaevsky in the pre-revolutionary period. URL: <http://izbirkom.novosibirsk.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)
15. Nozdrin G. A. The Local government of Kainsk and Kolyvan in the second half of XIX – early XX centuries. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)

16. News of the Irkutsk city Duma, 1904, no. 17–24. URL: <http://i.irklib.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)

17. Shilovsky M. V. Tomsk pogrom. 20–22 October 1905. URL: <http://sibistorik.narod.ru> (date accessed: 20.04.2018). (in Russ.)

For citation:

Buzmakov E. L., Buzmakova O. G. About the Legitimacy and Legality of the Bodies of Municipal Self-Government in Siberia in the Second Half of XIX – Early XX Century. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 5–17. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-5-17

И. А. Кошелева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

kira@nso.ru

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Рассматриваются универсальные правовые конструкции, в частности понятийный аппарат «обязательство», дается ретроспективный анализ развития термина «обязательство» в российской и зарубежной правовых школах. Автором проанализированы концептуальные теоретические наработки института становления обязательственной природы правоотношений – как частноправовой, так и публичной. Особое значение уделено изучению развития понятия «обязательства» применительно к финансовому праву. Так, обязательство как категория, используемая в современном законодательстве, рассматривается в двух ипостасях: в общем смысле – как сложная единая универсальная категория, имеющая межотраслевой характер, поскольку может быть использована в различных отраслевых правоотношениях, в узком смысле – как самостоятельный вид обязательств, которые могут возникать и реализовываться в рамках только одной отрасли права, по сути, наряду с гражданско-правовыми. Автором сделан вывод о том, что категория «обязательство» с древнейших времен и до современности выступает центральным институтом права, сочетающим в себе экономическую характеристику проявления данного явления во вне и правовую природу его оформления посредством регулирования отношения, в котором оно возникает.

Ключевые слова: обязательство, финансовое право, публичное право, правоотношение.

Обязательство как правовая категория на протяжении длительного периода является предметом исследования. Выступая институциональной правовой категорией, обязательство (*obligatio*), по определению позднейшего римского права, представляет собой такое юридическое отношение между двумя лицами, в силу которого одно из них – *creditor* – имеет право требовать от другого – *debitor* – исполнения чего-либо в свою пользу: «*obligatio est juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civitatis jura*», – гласит легальное определение в «Институциях» Юстиниана (*pr. In. 3. 13*) [1. С. 110]. В то же время анализ источников закрепления данной правовой конструкции свидетельствует, что данный термин употребляется одновременно в нескольких значениях:

- 1) акт заключения обязательства (1.19. D. de V. S. 50. 16);
- 2) состояние связанности должника (*pr. L. de obi. 3. 13*);
- 3) соответствующее обязанности право требования (1. 3, *pr. D. de obi. Et act. 44. 7*);
- 4) все правоотношения с той и другой стороны [2. С. 13].

Вне зависимости от подхода римское право подразумевало, что обязательствами выступают отношения, в основе которых лежит обязанность совершения определенного действия, обладающего имущественной ценностью [3. С. 205]. Иными словами, обязательства по своей природе призваны обеспечивать реализацию экономических последствий: перенесение права собственности на вещь, передачу вещи или предоставление иных выгод, – с позиции данных действий

обязательства обязывают должника совершить либо воздержаться от совершения определенных действий, предусмотренных соответствующей нормой права [4. С. 48].

По другому классическому определению, обязательство обладает определенным целеполаганием: *dare, facere, praestare, oportere* (дать, совершить, предоставить, сделать должным). Юридическое качество перечисленных действий несколько отличалось от прямого смысла, предполагаемого языковыми терминами. При этом «дать» означало передать имущество, т. е. определенного качества вещи, могущие быть предметами обладания лиц, с какой-либо установленной целью; следовательно, это обязательственное действие было тесно связано с переносом вещных прав с одного субъекта на другой. «Совершить» значило осуществить одним лицом в пользу другого действия, имеющие реальный физический смысл и проявление, неделимые и комплексные. «Исполнить» означало, что лицо должно нечто выплатить, возместить, подразумевая материальную форму выплаты, имеющую в том числе и денежное выражение. «Сделать должным» означало, что у лица образовались права на встречное требование, имеющее конкретное выражение и жизненное проявление, сводящееся к первым трем [4. С. 50].

Однако вне зависимости от подхода содержание обязательства составляет «действие» (*leistung*), обладающее имущественной ценностью, — именно в этом и проявляются пределы области обязательств, определяющие относимость обязательств, как и вещных прав, к имущественному праву, но в отличие от последних обязательства не дают никакого господства над предметами физического мира, поскольку устанавливают только отношение одного лица к другому в области имущественных интересов вне зависимости от сферы отношений, в которой они возникли, изменились или прекратили свое правовое существование [2. С. 12]. Несомненно, экономический характер развития имущественных отношений предопределил область развития данной группы правоотношений, переведя обязательственные отношения в сферу частного права, основанного на товарно-денежной конструкции своего применения. Вследствие этого анализ рецепции положений римского права в более поздний период показал, что право как

наука с помощью римского наследия смогло выработать тот понятийный аппарат, который позволил сформировать не только основные дефинитивные понятия частного права, но и основные категории познания правовых норм и конструкций [5. С. 6]. При этом основополагающей правовой категорией, на которой основываются все юридические понятия, выступило «субъективное право», рассматриваемое с позиции римского права как право реализуемое в рамках и во исполнение правомочия, предусматривающего юридически оформленный материальный интерес [6. С. 8]. Здесь субъективные права делятся на два главных вида: вещные и личные, или обязательственные права; права на вещи и права на требования. Вещное право составляет цель, а обязательственное право предопределяет средство или меру необходимости. Первоначально современное хозяйство видит свою цель не столько в удовлетворении потребностей, сколько в неограниченном расширении экономической сферы власти, в возможности переносить экономические ценности непрерывно от одного обязательственного права к другому, не давая им когда-либо успокоиться надолго в вещном праве. Обязательственное право не предоставляет средства к достижению вещных прав, а стало самоцелью, — так беспокойная природа эпохи, которая тоже ищет покоя в волнениях, получает свое выражение в юридических понятиях [2. С. 15]. Соотнесение интересов эпохи и экономических интересов привело к противопоставлению норм публичного и частного права, при этом сходным элементом, как отмечают исследователи, выступает собственно субъективное право, реализуемое субъектом права в собственных интересах по исполнению возложенных обязанностей [7. С. 13]. При этом исследователями отмечается тот факт, что в рамках органической природы права возможно наличие переходов момента регулирования частного интереса в публичный и наоборот [8. С. 20], тем самым конструкция обязательства рассматривается с позиции гражданско-правового подхода как имущественно-правовое действие, например, право обложения податями, право экспроприации, в то же время с позиции публичного права — как средство, служащее достижению правомочия [2. С. 15]. Иными словами, гражданско-правовые притязания находятся в самой

тесной связи с публично-правовыми отношениями, например, притязание человека на жалование, к публичным правам приближаются права частной корпорации по отношению к стоящему над ней целому; равным образом право пользования вещами, находящимися в общественном обладании, одной стороной обращено к публичному праву [2. С. 16], тем самым обязательство (*obligatio*) рассматривается с позиции общего понятия, охватывающего систему отношений, в которых действует активный элемент (*action*).

Высокий уровень теоретического осмысления правовой природы обязательства римскими учеными позднейшими законодателями был достигнут только в XIX в. при обобщении правового регулирования гражданско-правовых отношений. При этом рецепирование достижений римской науки странами как романо-германской, так и англо-саксонской системы, осуществлялось различными юридино-техническими приемами. Так, Французский гражданский кодекс 1804 г. [9] не содержит легального определения термина «обязательство», более того, архитектура данного нормативного правового акта не предусматривает характеристику регулируемой природы правоотношений с позиции пандектной системы, тем самым не только не устанавливает общих принципов, применимых ко всем обязательствам вообще, но и не содержит указания на их разновидности. Комментируя кодекс, Р. Саватье утверждал, что обязательство следует рассматривать как правовую связь, посредством которой одно лицо должно в отношении другого лица – кредитора – к предоставлению, действию или воздержанию от действия [10. С. 231, 241]. Такое понятие обязательства логически вытекает из анализа ст. 1101 Французского гражданского кодекса, легально закрепляющей дефиницию определения не обязательства, а договора. Французская цивилистическая доктрина отмечала, что договоры представляют собой соглашения [11. С. 30], возникающие на основе автономии воли сторон, т. е. свободы любого лица вступить в договор и создавать таким образом обязательство по своему усмотрению [12. С. 133]. Если одна из сторон договора принимает на себя обязанность, а другая соглашается с этим, то возникают обязательственные отношения.

В противовес французскому законодательству Германское гражданское уложение 1896 г. [13] исходит из общего определения обязательства, данного в § 241, согласно которому в силу обязательства кредитор может требовать от должника предоставления, которое может состоять и в воздержании. При этом терминологически понятие «обязательство» достаточно часто встречается в содержании правовых норм уложения, предусматривающих, что обязательство может возникать посредством вступления в переговоры о заключении договора, в ходе подготовки договора, деловых контактов и в ряде других случаев [14. С. 73].

Англо-саксонская система права определяет правовую природу обязательств с позиции экономической философии, предусматривающей скорее не обобщенное понятие, а определение сущности термина «обязательство» с позиции характеристики его свойств как юридически обязывающего, морального и свободно согласованного обмена обещаниями, направленного на утилизацию, распределение и максимальное увеличение экономических ресурсов и имеющего важные моральные и психологические последствия для его участников [15. С. 93].

В то же время рецепция норм римского права в российском законодательстве конца XIX в. привела к образованию господствующей точки зрения, что обязательство представляет собой универсальную правовую конструкцию, используемую в гражданском обороте по вопросам реализации имущественных правопритязаний как в сфере гражданско-правовых отношений, так и в сфере публичного права [16. С. 20], т. е. понятие обязательства приобретает определенное конкретное целеполагание своего существования. Так, в проекте Гражданского уложения в ст. 1567 обязательство определяется как законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению либо к не совершению иного действия в пользу другого лица. Обязанное лицо называется должником, а лицо, имеющее право требования по обязательству, – верителем [17. С. 171]. При этом формулировка данной нормы не предполагает использование понятия имущественного интереса. В работе над проектом Гражданского уложения составители ориентировались на западноевропейские образцы, вследствие этого проект Гражданского уложения не только кодифи-

цирует известные еще в римском праве институты, но также учитывает новейшие достижения цивилистической науки [18. С. 18], в связи с чем в комментариях указывается, что обязательство по существу есть отношение, юридическая связь, в этой связи позиция составителей данного акта оправдана: легальная дефиниция не содержит прямого указания на это. По их мнению, из разных значений слова «обязательство» наиболее правильным будет признание значения его как синонима «законной обязанности одного лица к известному действию в пользу другого лица, каковой обязанности соответствует на стороне верителя право требования» [2. С. 13]. Более того, рассмотрение категории «обязательство» в качестве обязанности встречается и в других статьях проекта Гражданского уложения, с той лишь разницей, что основания их возникновения опосредованы отраслевой принадлежностью регулируемых правоотношений, например вещным правом [19. С. 136–137]. Одновременно рассмотрение дефиниции «обязательство» с точки зрения конструктивных элементов может быть также применимо и к отношениям публичного права, где обязательственные правоотношения подразумевают в качестве обязательного субъекта государство [20. С. 20–21]. Иначе говоря, законодатель, стремясь соответствовать экономическим и правовым реалиям, по сути, прямо в правовой норме предусматривает возможность применения обязательственной конструкции как в частноправовой сфере, так и в публичной.

В то же время в начале XX в. в рамках отраслевой направленности стали высказываться мнения об исключительности сферы применения и использования обязательств – гражданско-правовых отношений и цивилистики. В частности, исследователи указывали на то, что рамки частноправовых конструкций не могут быть искусственно расширены за счет использования одного термина для обозначения сходных понятий [22. С. 67], поскольку сущность обязательства по сути сводится только к состоянию обязанного лица, но никак не к паритетному соотношению лиц, участвующих в обязательственном правоотношении. Если же вести речь о правах и обязанностях лиц обязательственных правоотношений, то сюда могут быть отнесены правомочия не только обязательственного права, но и правомочия,

основанные на совершенно иной отраслевой принадлежности, что в принципе недопустимо [22. С. 67]. В противовес указанному, рассмотрение правовой природы обязательства с позиции соотношения доктрины и практики привели к формированию подхода, согласно которому на сущностную характеристику данной категории влияет не только его правовая природа, но и экономическая, следовательно, обязательство необходимо рассматривать как сложную единую конструкцию правоотношения, охватывающую как отраслевые, так и межотраслевые разновидности обязательственных правоотношений [23. С. 97]. Тем самым наличие конструктивного единства позволит обязательству охватить сферу не только применения экономического подхода, предусматривающего условия и случаи перемещения имущества и иных результатов труда из сферы производства в сферу обращения и через последнюю – в сферу потребления (производительного или личного), и одновременно перемещение имущества в рамках собственно обязательственных гражданско-правовых отношений, урегулированных специальными юридическими нормами права [23. С. 97].

Таким образом, с помощью данного подхода возможно определение двойственной природы обязательства с позиции соотношения и проникновения действия публичного и частного интереса в право: публичного – опосредующего экономический потенциал обеспечения, и частного – в виде регулятивного свойства. В рамках данного подхода право, отражающее весь спектр развития торговых отношений, приобретает практическое значение, непосредственно влияя на изменение характера обязательства как категории, связанной с политическим и экономическим потенциалом развития государства и общества [2. С. 16]. Другими словами, право, отражая эволюцию жизнедеятельности общества, эволюционирует само, своими понятиями и категориями и сферой реализации [2. С. 16].

Несмотря на высказываемые научные идеи, анализ развития категории «обязательство» в российском законодательстве начиная с середины сороковых годов прошлого века, показал, что в основе советского правопонимания обязательство принято рассматривать исключительно с позиции гражданского права, определяющего в Гра-

жданском кодексе РСФСР 1922 г.¹ и в последующем, в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г.² обязательство с позиции обязанности по совершению действий одного лица (должника) в пользу другого лица (кредитора), как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Аналогичная норма была включена в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 57)³, а впоследствии в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации. Однако дефиниция «обязательство» в современном гражданском законодательстве рассматривается в качестве определенного правоотношения, возникающего в силу обязательства, в отличие, например, от проекта Гражданского уложения, предусматривающего, что под обязательством понимается гражданское правоотношение.

Единственным вопросом, не до конца разрешенным законодательством и доктриной, является вопрос о возможностях применения конструкции обязательства в отношениях не только частноправового характера, но и публичной отрасли права. Ситуация усугубляется еще и тем, что в современном российском законодательстве различных отраслей права нет единого терминологического подхода к определению одних и тех же понятий [24. С. 96]. Вследствие этого понятие «обязательство» рассматривается с разных позиций в зависимости от отраслевой принадлежности использования данного термина. Например, если проанализировать нормы права, регулирующие финансовую сферу, то очевидно, что изначально термин «обязательство» стал применяться при характеристике юридических обязанностей участников финансовой деятельности публично-правовых образований [2. С. 16]. Так, в налоговом законодательстве выделяют обя-

занность налогоплательщика по внесению денежных платежей в бюджет. В бюджетном законодательстве расходное, бюджетное, денежное обязательство рассматривают как обязанность публично-правового образования по выплате денежных средств из бюджета. В отношениях государственного и муниципального кредитования выделяют заемные обязательства как обязанности публично-правовых образований по выплате денежных средств из бюджета, полученных на возмездной, возвратной и срочной основах.

Об обязательстве как правоотношении в финансовой деятельности публично-правовых образований стали говорить применительно к характеристике государственных и муниципальных доходов [25], в частности в доктрине налогового права, указывая не просто на обязанности налогоплательщика, а на существование налоговых обязательств, выделяя их субъектный состав, объект и содержание, и применительно к государственному и муниципальному кредиту, указывая на существование публичных долговых обязательств как заемных обязательств. Впоследствии при характеристике расходов публично-правовых образований стали выделять расходное, бюджетное, денежное обязательство, однако и в доктрине, и в законодательстве до настоящего времени не решен вопрос об их структуре, видовых классификациях, правовой природе [26. С. 5].

Вследствие этого обязательство как категория, используемая в современном законодательстве и доктрине, рассматривается в двух смыслах: в общем смысле – как сложная единая универсальная категория, имеющая межотраслевой характер, поскольку может быть использована в различных отраслевых правоотношениях; в узком смысле – как самостоятельный вид обязательств, возникающих и реализовывающихся только в рамках одной отрасли права, по сути наряду с гражданско-правовыми. Вне зависимости от указанного категория «обязательство» включает в себя три основных элемента: субъектный состав, объект и содержание, характеристика которых позволит определить правовую природу конкретного обязательства и его принадлежность к соответствующей отрасли права. Вместе с тем в праве в силу прямого указания закона возникают, изменяются и прекращают свое существование особые правоотношения, в ко-

¹ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010099&rdk=&backlink=1> (дата обращения 04.04.2018).

² Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010099&rdk=&backlink=1> (дата обращения 04.04.2018).

³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 31 мая 1991 года № 2211-1. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011632&rdk=&backlink=1> (дата обращения 04.04.2018).

торых указанные элементы, основанные на экономических и правовых реалиях, сочетают в себе момент регулирования частного и публичного права. Например, в отношениях, возникающих в процессе финансовой деятельности публично-правового образования, реализуемых в процессе формирования, распределения и использования публичных фондов денежных средств в условиях действия соответствующей правовой нормы, принято выделять объект, субъектный состав лиц, участвующих в обязательстве, и условия, зависящие от особенностей правового регулирования [26. С. 5].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что категория обязательства с древнейших времен и до современности выступает центральным институтом права, сочетающим в себе экономическую характеристику проявления данного явления во вне и правовую природу его оформления посредством регулирования отношения, в котором оно возникает.

Список литературы

1. Покровский И. А. История римского права: Учебник. М., 2017. 533 с.
2. Омелёхина Н. В. Финансовые обязательства в системе Российского права. Часть 1. Межотраслевая природа финансовых обязательств // Финансовое право. 2016. № 3. С. 10–17.
3. Дертбург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1911. 412 с.
4. Романовская В. Б., Курзенин Э. Б. Основы римского частного права. М., 2000. 94 с.
5. Ткаченко С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
6. Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 24 с.
7. Маштаков К. М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 23 с.
8. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2000. 32 с.
9. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804: Пер. с фр. / Отв. ред. А. Довгерт. Киев, 2006. 1008 с.
10. Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972. 440 с.
11. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Пер. с фр. Я. Б. Новицкого. М., 1948. 511 с.
12. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / Пер. с фр. и вступ. ст. Е. А. Флейшиц. М., 1958. 742 с.
13. Гражданское уложение Германии: Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Маковского и др. 2-е изд. М., 2006. 816 с.
14. Рожкова М. А. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 6. С. 69–85.
15. Осаке К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 91–106.
16. Воронина Е. И. Гражданско-правовые обязательства, связанные с личностью их сторон: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с.
17. Гражданское уложение: Проект Редакционной комиссии. по сост. Гражданского уложения: 2-я ред. СПб., 1903–1905. 212 с.
18. Слыщенко В. А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
19. Гуляев А. Единство гражданского права и проект гражданского уложения. Киев, 1903. 143 с.
20. Слиозберг Г. Проект книги V Гражданского уложения «Об обязательствах» // Вестник права. 1899. № 6. С. 93–94.
21. Томсинов В. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья третья. Законодательство. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения 16.03.2018).
22. Агарков М. М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1942. 192 с.
23. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.
24. Данилова Л. Я. О понятии правоприменения норм гражданского права // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 94–99.
25. Веришнина В. В. Исполнение публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме. URL: <http://fz-83.ru> (дата обращения 16.08.2017).

26. Омельянина Н. В. Денежные обязательства в финансовой деятельности публично-правовых образований // Финансовое право. 2015. № 6. С. 3–8.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2018

I. A. Kosheleva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

kira@nso.ru

OBLIGATION AS A PHENOMENON OF LEGAL REALITY: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF SCIENCE AND PRACTICE

The article deals with issues related to universal legal constructions, analyzes the questions of the conceptual vehicle «commitment», describes the retrospective analysis of the development of the term «commitment» in Russian and foreign law schools. The author has analyzed the conceptual theoretical developments of the institution of the establishment of the obligatory nature of legal relations both of private law and public nature. Particular importance is given to the study of the development of the concept of «obligation» in relation to financial law. The obligation as a category used in modern legislation and doctrine is considered in two senses: in the general sense, as a complex unified universal category having a cross-sectoral nature, since it can be used in various sectoral legal relations, in the narrow sense – as an independent type of obligations having place to be, arise and be realized only within the framework of one branch of law, in fact, along with civil-law. The author concludes that the category obligation from ancient times to modern times is the central institution of law, combining the economic characteristics of the manifestation of this phenomenon in the outside and the legal nature of its design by regulating the relationship in which it arises.

Keywords: obligation, financial law, public law, legal relationship.

References

1. Pokrovsky I. A. *Istoriya rimskogo prava. Uchebnik* [History of Roman law. Textbook]. Moscow, 2017, 533 p. (in Russ.)
2. Omelyokhina N. V. *Finansovye obyazatelstva v sisteme Rossijskogo prava. Chast 1. Mezhotraslevaya priroda finansovyh obyazatelstv* [Financial obligations in the system of Russian law. Part 1. Interindustry nature of financial obligations]. *Finansovoe pravo* [Financial law], 2016, no. 3, p. 10–17. (in Russ.)
3. Dernburg G. *Pandekty. Obyazatelstvennoe pravo* [Pandekty. Liability]. Moscow, 1911, 412 p. (in Russ.)
4. Romanovskaya V. B., Kurzenin E. B. *Osnovy rimskogo chastnogo prava* [The foundations of Roman private law]. Moscow, 2000, 94 p. (in Russ.)
5. Tkachenko S. V. *The reception of Roman law: questions of theory and history* [Enforcement Proceedings in English and Russian Law]. Abstract of dis. ... cand. jurid. science. Moscow, 2006, 23 p. (in Russ.)
6. Selivanova O. Yu. *Retseptsiya rimskogo prava: voprosy teorii i istorii* [Subjective law: essence, structure, value]. Abstract of dis. ... cand. jurid. science. N. Novgorod, 2001, 24 p. (in Russ.)
7. Mashtakov K. M. *Teoreticheskie voprosy razgranicheniya publichnogo i chastnogo prava* [Theoretical issues of differentiation between public and private law]. Abstract of dis. ... cand. jurid. science. Rostov-on-Don, 2001, 23 p. (in Russ.)
8. Smooth V. V. *Problemy edinstva rossijskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Abstract of dis. ... Dr. jurid. Sciences. Tomsk, 2000, 32 p. (in Russ.)

9. Grazhdanskij kodeks Francii Kodeks Napoleona ot 21.03.1804 [The Civil Code of France (Code of Napoleon), dated March 21, 1804]. Translated from French. Ed. by A. Dovgert. Kiev, 2006, 1008 p. (in Russ.)
10. Savate R. Teoriya obyazatelstv [Theory of obligations]. Moscow, 1972, 440 p. (in Russ.)
11. Godame E. Obshchaya teoriya obyazatelstv [General Theory of Commitment]. Translated from French. Ya. B. Novitsky. Moscow, 1948, 511 p. (in Russ.)
12. Morandier L. Zh. Grazhdanskoe pravo Francii [Civil Law of France]. Translated from French and the east. article E. A. Fleischitz. Moscow, 1958, 742 p. (in Russ.)
13. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii [Civil Code of Germany]. Trans. from Germ. Eds. A. L. Makovsky and others. 2nd ed. Moscow, 2006, 816 p. (in Russ.)
14. Rozhkova M. A. K voprosu ob obyazatelstvakh i osnovaniyakh ih vozniknoveniya [On the issue of obligations and the reasons for their emergence]. *Vestnik VAS RF [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]*, 2001, no. 6, p. 69–85. (in Russ.)
15. Osakve K. EHkonomiko-filosofskaya interpretaciya dogovora v anglo-amerikanskom obshchem prave liberalnaya teoriya dogovora [Economic and philosophical interpretation of the treaty in Anglo-American common law: the liberal theory of the contract]. *Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2004, no. 9, p. 91–106. (in Russ.)
16. Voronina E. I. Grazhdansko-pravovye obyazatelstva svyazannye s lichnostyu ih storon [Civil-law obligations associated with the personality of their parties]. Abstract of dis. ... cand. jurid. science. Moscow, 2014, 24 p. (in Russ.)
17. Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Redakcionnoj komissii po sost Grazhdanskogo ulozheniya. [Civil Code: Draft Editorial. commission]. 2nd ed. St. Petersburg, 1903–1905, 212 p. (in Russ.)
18. Slyshchenkov V. A. Proekt Grazhdanskogo ulozheniya 1905 g i ego mesto v istorii russkogo prava [Draft Civil Code of 1905 and its place in the history of Russian law]. Abstract of dis. ... cand. jurid. science. Moscow, 2003, 24 p. (in Russ.)
19. Gulyaev A. Edinstvo grazhdanskogo prava i proekt grazhdanskogo ulozheniya [Unity of civil law and draft civil code]. Kiev, 1903, 143 p. (in Russ.)
20. Sliozberg G. Proekt knigi V Grazhdanskogo ulozheniya. Ob obyazatelstvakh [Draft book V Civil Code «On Obligations»]. *Vestnik prava [Bulletin of Law]*, 1899, no. 6, p. 93–94. (in Russ.)
21. Tomsinov V. Razrabotka proekta Grazhdanskogo ulozheniya i razvitie nauki grazhdanskogo prava v Rossii v konce XIX – nachale HKH veka. Statya tretya Zakonodatelstvo. 2015. 3 [Development of the Civil Code project and the development of civil law science in Russia in the late XIX – early XX century. Article three. The encumbrance. № 3]. *Spravochno-pravovaya sistema Garant [Reference and legal system «Garant»]* (reference date: March 16, 2017) (in Russ.)
22. Agarkov M. M. Obyazatelstva po sovetскому grazhdanskomu pravu [Obligations under Soviet civil law]. Moscow, 1942, 192 p. (in Russ.)
23. Ioffe O. S. Obyazatelstvennoe pravo [Liability]. Moscow, 1975, 880 p. (in Russ.)
24. Danilova L. Ya. O ponyatii pravoprimereniya norm grazhdanskogo prava [On the concept of law enforcement of civil law norms]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo [Vestnik of Omsk University: Law]*, 2008, no. 3 (16), p. 94–99. (in Russ.)
25. Vershinina V. V. Ispolnenie publicnykh obyazatelstv pered fizicheskim licom podlezhashchih ispolneniyu v denezhnoj forme [Execution of public obligations to an individual, subject to execution in cash]. URL: <http://fz-83.ru> (reference date: August 16, 2017) (in Russ.)
26. Omelykhina N. V. Denezhnye obyazatelstva v finansovoj deyatel'nosti publichno-pravovykh obrazovaniy [Monetary obligations in the financial activity of public-legal entities]. *Finansovoe pravo [Financial Law]*, 2015, no. 6, p. 3–8. (in Russ.)

For citation:

Kosheleva I. A. Obligation as a Phenomenon of Legal Reality: A Retrospective Analysis of Science and Practice. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 18–25. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-18-25

УДК 34.03

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-26-30

А. М. Рабец

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

rabecjur@mail.ru

**ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
НА КОМПЕНСАЦИЮ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ПОВРЕЖДЕНИИ ЗДОРОВЬЯ
И ГИБЕЛИ КОРМИЛЬЦА (СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ)**

Работа посвящена проблемам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших при причинении вреда здоровью и гибели кормильца путем компенсации не только материального, но и морального вреда. Автор приходит к выводу о целесообразности дополнительных разъяснений Верховным Судом РФ ряда практических вопросов, связанных с применением законодательства о компенсации морального вреда в отношении несовершеннолетних потерпевших, с учетом трудностей, возникающих при рассмотрении дел о компенсации морального вреда, вызванных возрастом потерпевших. В работе предлагается ряд рекомендаций, способствующих, по мнению автора, полному, всестороннему и объективному рассмотрению судами данной категории дел.

Ключевые слова: право, закон, правонарушение, деликтное обязательство, моральный вред, здоровье, смерть кормильца, несовершеннолетний.

Несомненно, что в числе личных нематериальных благ важнейшими являются жизнь и здоровье человека, поскольку они, по выражению В. С. Толстого, обеспечивают его физическое существование [1. С. 10]. Что касается несовершеннолетних, то для них эти блага обеспечивают не только физическое существование, но и формирование и развитие личности. Не случайно право на охрану здоровья формулируется в ст. 6 и 24 Конвенции «О правах ребенка» как право на выживание и здоровое развитие¹. Как и любой гражданин, несовершеннолетний имеет право на компенсацию вреда, причиненного повреждением здоровья, независимо от воз-

раста, в котором он причинен, что следует из смысла ст. 1087 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ). Ему компенсируется также вред, причиненный гибелью кормильца, т. е. лица, на иждивении которого он находился; понятно, что чаще всего речь идет о его родителях или усыновителях. В подобных случаях сумма компенсации, определяемая в порядке, установленном ст. 1089 ГК РФ, выплачивается до достижения им возраста 18 лет, а при продолжении образования в очной форме обучения – до окончания обучения, но не дольше, чем до 23 лет. Иначе говоря, с компенсацией имущественного, или, как выражаются некоторые специалисты, «материального» вреда, вызванного повреждением здоровья несо-

¹ Принята 20.11.1989 г., ратифицирована СССР 20 июня 1990 г. См.: Сборник международных документов СССР. 1993. Вып. XLVI.

² СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Рабец А. М. Право несовершеннолетнего на компенсацию морального вреда при повреждении здоровья и гибели кормильца (спорные вопросы законодательного регулирования и правоприменения) // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 2. С. 26–30.

вершеннолетнего или смертью кормильца, дело обстоит достаточно просто, хотя и здесь возникает немало спорных вопросов, которые, по понятным причинам, не освещаются в данной работе.

Значительно сложнее как в теоретическом, так и в практическом отношении решаются вопросы, связанные с компенсацией морального вреда в отношении любых физических лиц независимо от возраста. Но когда потерпевшими, требующими компенсации морального вреда, оказываются несовершеннолетние, рассмотрение таких дел существенно осложняется особенностями, связанными именно с возрастом управомоченных лиц. Именно с несовершеннолетием потерпевших связаны как вопросы, касающиеся полноты законодательного регулирования обязательств из причинения вреда, в которых кредиторами (потерпевшими) являются несовершеннолетние, так и трудности, возникающие в правоприменительной практике и связанные непосредственно с рассмотрением дел данной категории. Рамки небольшой статьи не позволяют осветить все вопросы, выявленные в ходе исследования более общей проблемы – участия несовершеннолетних в деликтных обязательствах в качестве их субъектов. Приходится ограничиться лишь теми, которые, что называется, лежат на поверхности, бросаются в глаза.

Наиболее сложным именно в отношении несовершеннолетних оказался на практике вопрос, непосредственно связанный с установлением факта причинения морального вреда. Как известно, под моральным вредом законодатель понимает физические или нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ³). Более того, как следует из текста данной статьи, «при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред». Это означает, что суды, прежде всего, должны выяснить вопросы: способен ли данный несовершеннолетний потерпевший в силу возраста и (или) особенностей психического

развития испытывать физические, и особенно нравственные страдания? Если способен, то как определить, опять-таки с учетом указанных особенностей личности потерпевшего, степень его страданий, особенно нравственных, чтобы исходя из принципов гуманности, разумности и справедливости не только вынести решение об удовлетворении требований о компенсации морального вреда, но и определить ее адекватный размер?

Итак, прежде всего, необходимо попытаться ответить на вопрос: с какого возраста человек способен испытывать нравственные страдания, поскольку физическую боль не только испытывают, но и активно выражают уже младенцы? По утверждению психологов, человек начинает осознавать себя как личность с трехлетнего возраста, вместо своего имени говорить «я», т. е. проявлять себя «от первого лица». Видимо, с этого возраста ребенок уже испытывает нравственные страдания, хотя степень их, вероятнее всего, такова, что вряд ли можно считать ее достаточной не только для вынесения положительного судебного решения, но и для обсуждения этого вопроса.

Как представляется, заслуживает внимания уже выработанная законодателем правовая модель, которая может быть использована для указанных целей. Статья 28 ГК РФ наделяет определенным объемом гражданской дееспособности детей в возрасте от 6-ти до 14-ти лет, предоставляя им возможность без согласия родителей совершать мелкие бытовые сделки, участвовать в совершении безвозмездных сделок, совершаемых к их выгоде и не требующих нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, а также свободно распоряжаться денежными средствами, предоставляемыми им их законными представителями или третьими лицами с согласия законных представителей. Если законодатель счел вполне достаточным шестилетний возраст детей для совершения указанных юридически значимых действий, то тем более можно утверждать, что к данному возрасту ребенок уже достигает той степени зрелости, чтобы, во-первых, испытывать физические и нравственные страдания, во-вторых, уметь их выразить. Однако данный возраст не является той нижней границей, за которой вообще не имеет смысла ставить вопрос о компенсации морального вреда,

³ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

причиненного малолетнему. Он может быть и более низким, если ребенок настолько развит, что может объяснить свои ощущения от причинения вреда. Дело лишь в том, насколько умело суд с помощью педагога, психолога и законного представителя малолетнего потерпевшего сможет выяснить эти вопросы.

В принципе же вопрос о том, с какого возраста судам надлежит заслушивать объяснения малолетних о том, испытывают ли они страдания в результате повреждения здоровья или гибели близких, и в чем это выражается, следует решать исходя из идей, изложенных в Конвенции ООН «О правах ребенка», в соответствии с которыми мнение детей должно быть заслушано и учтено, как только дети окажутся способны четко выразить свои мысли. В каждом конкретном случае этот вопрос решается индивидуально. Эта способность сродни способности ребенка выражать свое мнение по всем вопросам жизни, затрагивающим его интересы. Не случайно в ст. 57 Семейного кодекса РФ⁴ минимальная возрастная граница, в пределах которой ребенок вправе выражать свое мнение самостоятельно, не обозначена; обозначена лишь обязанность правоприменителя учитывать мнение ребенка, достигшего возраста 10-ти лет, или даже по вопросам, указанным в законе, получать его прямое согласие. В соответствии со ст. 6 ГК РФ нельзя понимать отсылку к ст. 57 СК РФ как применение ее в порядке аналогии закона, так как к гражданско-правовым отношениям применение по аналогии норм других отраслей законодательства не допускается, но ее можно использовать в качестве некоего ориентира, модели для разрешения подобных вопросов.

К сожалению, в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁵, в котором в принципе дано детальное разъяснение по вопросам применения норм о компенсации морального вреда при повреждении здоровья и причинении смерти, не отмечены никакие особенности применения ст. 1099–1101 ГК РФ в отношении несо-

вершеннолетних потерпевших. В частности, в данном постановлении было бы весьма желательно дать судам четкий ориентир по поводу того, с какого возраста и в каком порядке необходимо выяснять у самих малолетних и несовершеннолетних потерпевших, а не только у их законных представителей, характер и степень физических и нравственных страданий, которые они испытывают в связи с повреждением здоровья или гибелью родителей либо одного из них.

Сложность этой проблемы состоит в том, что практически не всегда легко понять, имеют ли место физические или нравственные страдания в случае причинения вреда здоровью малолетнего потерпевшего либо в случае гибели кормильца. Принято считать, что нравственные страдания – это своеобразная «привилегия» взрослых, что дети в состоянии испытывать лишь физические страдания. Трудности при рассмотрении подобных дел возникают потому, что ребенок не всегда в состоянии выразить характер нравственных страданий, объяснить, что именно он испытывает после повреждения здоровья или в результате гибели одного или обоих родителей. Ребёка в незнакомой обстановке, малолетний потерпевший не может четко выразить свои ощущения, а подросток стыдится это сделать, желая казаться независимым, мужественным и т. п., и даже отрицает наличие у него душевного дискомфорта. Поэтому суды не всегда придают должное значение вопросу компенсации морального вреда несовершеннолетним. Можно проиллюстрировать это следующим примером.

12-летней Т. на железнодорожном переезде при переходе ею железнодорожных путей во время маневра подвижного состава поездом была ампутирована нога. Железная дорога как владелец источника повышенной опасности добровольно возместила расходы, вызванные повреждением здоровья, однако отказалась компенсировать моральный вред, в связи с чем был предъявлен иск. В судебном заседании Т. пояснила, что не испытывает никакого неудобства от того, что вместо ноги ей поставили протез. Она, смеясь, добавила, что теперь ей не нужно посещать уроки физкультуры, что ей очень нравится. На вопрос суда о том, болит ли у нее нога, когда она носит протез, Т. ответила, что нога не болит. Суд отказал в компенсации морального вреда Т., мотивируя свое

⁴ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁵ Рос. газета. 2010. № 24.

решение тем, что девочка не испытывает ни физических, ни нравственных страданий. Суд критически оценил пояснения матери Т. о том, что вечерами дочь проявляла раздражительность, особенно когда ее подруги собирались на танцы. Она не жаловалась, что у нее болит нога, но ночью часто стонала и даже плакала, а утром в раздражении швыряла протез, прежде чем его надеть⁶.

Правда, в п. 32 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что при повреждении здоровья факт причинения потерпевшему морального вреда предполагается, поскольку он во всех случаях испытывает физические и нравственные страдания. В таких случаях установлению подлежит лишь размер компенсации вреда. Это несколько облегчает мотивировку судами необходимости удовлетворения иска даже при таком противоречивом поведении потерпевшего, какое описано в приведенном примере, хотя именно оно могло повлиять на размер компенсации морального вреда далеко не в пользу потерпевшей. Вместе с тем при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи с гибелью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда. Как раз в подобных случаях очень важно оценивать поведение детей и подростков с большой осторожностью.

Так, по делу в связи с убийством З. рассматривался гражданский иск в уголовном деле о возмещении расходов на погребение и компенсацию морального вреда малолетнему сыну убитой – Сергею, восьми лет. Допрошенный в судебном заседании Сергей рассказал, что не любил маму, которая его обижала, никогда не давала денег на карманные расходы, запрещала гулять по вечерам, и что он не жалеет о том, что мама умерла. Выйдя из зала судебного заседания, он стал плакать и кричать, что когда он вы-

растет, то «застрелит того дядьку, который убил маму». Суд отказал в компенсации морального вреда, полагая, что в силу сложившихся у него с умершей неприязненных отношений, мальчик не испытывал от ее гибели нравственных страданий⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что суды, не зная психики ребенка и подростка, явно недооценивают их нравственные страдания. Поэтому весьма желательно, чтобы Пленум Верховного Суда РФ дал судам разъяснение о необходимости в подобных случаях назначать судебно-психологическую экспертизу.

Судебная практика испытывает затруднения также по ряду процессуальных вопросов, связанных с участием несовершеннолетних потерпевших в возрасте от 14 до 18 лет в судебном заседании по делам данной категории. Дело в том, что ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ⁸ содержит 2 пункта, касающихся гражданско-процессуальной дееспособности несовершеннолетних. В соответствии с п. 3 «права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в процессе их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности». Согласно п. 4 «в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Однако суд вправе привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних». Возникает вопрос, ответа на который, к сожалению, нет в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ: какой из приведенных пунктов следует применять при участии в судебном заседании несовершеннолетних потерпевших по делам о компенсации морального вреда? Думается, что по этим делам, представляющим значительную сложность, интересы потерпевших должны защищать их закон-

⁶ Архив Белгородского районного суда Белгородской области. Дело № 2-096/09.

⁷ Архив Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области. Дело № 1-112/010.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 446. Ст. 4532.

ные представители; однако желательно иметь по данному вопросу официальное толкование высших судов.

Изложенные в данной работе вопросы далеко не исчерпывают всех проблем, связанных с участием несовершеннолетних в деликтных обязательствах как в качестве потерпевших, так и в качестве причинителей вреда. Даже по проблемам компенсации морального вреда данной категории граждан за пределами статьи остались весьма важные вопросы, охватывающие, главным образом, основания возникновения данного обязательства, учет поведения малолетних и вопросы вины несовершеннолетних потер-

певших, поведение взрослых, обязанных обеспечивать безопасность детей и подростков, и немало других вопросов. Это означает, что проблема реализации права несовершеннолетнего на компенсацию морального вреда нуждается в более глубоком и детальном исследовании.

Список литературы

1. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. Учеб. пособие. М.: АПК и ППРО, 2009. 214 с.

Материал поступил в редколлегию 02.03.2018

A. M. Rabets

*National Research Tomsk state University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

rabecjur@mail.ru

THE RIGHT OF MINORS TO MORAL DAMAGES WHEN DAMAGE TO HEALTH AND DEATH OF THE BREADWINNER (CONTENTIOUS ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND ENFORCEMENT)

The work is devoted to the problems of protection of the rights and legitimate interests of minor victims in causing harm to the health and death of the breadwinner by compensation not only material but also moral harm. The author comes to the conclusion about the expediency of additional clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation on a number of practical issues related to the application of the legislation on compensation of moral damage in respect of minor victims, taking into account the difficulties encountered in the consideration of cases of compensation for moral damage caused by the age of victims. The paper offers a number of recommendations that contribute, in the author's opinion, to the full, comprehensive and objective consideration of this category of cases by the courts.

Keywords: law, trespass, tortious liability, moral hazard, health, death of a breadwinner, a minor.

References

1. Tolstoy V. S. Lichnyye neimushchestvennyye pravootnosheniya [Personal non-property legal relations]. Tutorial. Moscow, APK and ProPRO, 2009, 214 p. (in Russ.)

For citation:

Rabets A. M. The Right of Minors to Moral Damages when Damage to Health and Death of the Breadwinner (Contentious Issues of Legislative Regulation and Enforcement). *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 26–30. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-26-30

В. Н. Лисица

*Новосибирский государственный аграрный университет
ул. Добролюбова, 160, Новосибирск, 630039, Россия*

lissitsa@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Рассмотрены понятие и квалифицирующие признаки предпринимательской деятельности. Аргументируется недостаточность заложенных в легальном ее определении критериев (самостоятельность, рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли), которое требует детального уточнения в первую очередь путем раскрытия основного квалифицирующего признака – систематическое получение прибыли, и законодательного установления перечня видов деятельности, не признаваемой в качестве предпринимательской. Кроме того, в связи с исключением требования легитимации из легального определения предпринимательской деятельности необходимо на законодательном уровне предусмотреть случаи, когда при осуществлении отдельных видов предпринимательской деятельности граждане должны быть зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей и, напротив, когда они могут осуществлять такую деятельность без государственной регистрации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, профессиональная деятельность, индивидуальные предприниматели, ведение предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

Понятие предпринимательской деятельности имеет основополагающее значение для предпринимательского права [1; 2]. Оно раскрывает его предмет и сущность, предопределяет содержание предпринимательских отношений, лежит в основе понимания свободы предпринимательской деятельности и других принципов предпринимательского права, позволяет установить предпринимательский характер отдельных договоров и отнести их к числу предпринимательских и много другое. В то же время, несмотря на свое легальное закрепление в п. 1 ст. 2 ГК РФ¹, оно продолжается оставаться не вполне однозначным [3; 4] и, как показала практика, недостаточным для квалификации деятельности в качестве предприниматель-

ской. Кроме того, в 2017 г. в ГК РФ оно было изменено, что свидетельствует о необходимости еще раз обратиться к исследованию данной категории.

В настоящее время предпринимательская деятельность определяется как «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Таким образом, действующее законодательство предусматривает следующие три квалифицирующие признака предпринимательской деятельности.

Во-первых, *самостоятельность*, которая в теории предпринимательского права раскрывается через две составляющие: имущественную самостоятельность, предусматривающую наличие у субъекта предпринимательской деятельности определенного

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

имущества как экономической базы для ведения такой деятельности, и хозяйственную (организационную) самостоятельность, предполагающую возможность принятия самостоятельных решений в процессе предпринимательской деятельности [1. С. 17–18].

Во-вторых, *наличие риска*, означающего возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий от предпринимательской деятельности – неполучение ожидаемых доходов и возникновение убытков, в том числе из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам². Риск также может заключаться в вероятности наступления событий, в результате которых продолжение осуществления данной деятельности станет невозможным³.

В-третьих, *направленность на систематическое получение прибыли* от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которую следует признать **в качестве основного квалифицирующего признака предпринимательской деятельности**, поскольку другие названные особенности могут быть характерны и для других видов деятельности. В то же время он является и наиболее сложным в части определения характера осуществляемой деятельности [2. С. 12].

Дело в том, что прибыль может вообще отсутствовать, что корреспондирует в определенной мере с указанным признаком о наличии риска в предпринимательской деятельности. В этой связи справедливо было указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁴ (п. 13), что само по себе отсутствие

прибыли не влияет на квалификацию правонарушений, предусмотренных ст. 14.1 КоАП РФ⁵, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом.

Факт совершения сделок на возмездной основе также не является достаточным основанием для квалификации предпринимательской деятельности. Необходимо наличие систематического характера извлечения прибыли, который, к сожалению, не раскрывается в законодательстве. В отличие от уголовного права, предусматривающего совершение для этих целей трех (более двух) и более повторяющихся действий для использования признака системности (примеч. к ст. 232 УК РФ⁶), вопрос о минимальном количестве сделок (две, три или более?) до сих пор не разрешен однозначно в литературе по предпринимательскому праву [5. С. 41, 42]. Кроме того, нельзя исключать возможность признания даже одной отдельной сделки в качестве предпринимательской. Так, в соответствии с приведенным выше п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» «...отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли». Отсюда можно сделать вывод о том, что все-таки отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг могут квалифицироваться в качестве предпринимательской деятельно-

² См.: подп. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ и п. 5 ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 56.

³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2013 г. № Ф01-5635/12 по делу № А11-11450/2011. URL: <http://www.garant.ru/>.

⁴ См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г.

№ 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://www.garant.ru/>.

⁵ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

сти (при наличии названных условий). При этом следует также обратить внимание на то, что получение дохода не означает извлечение прибыли, поскольку они представляют собой разные понятия: прибыль – это обычно полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов (247 НК РФ⁷).

Судебная практика исходит из системного толкования правила п. 1 ст. 2 ГК РФ о предпринимательской деятельности, справедливо указывая на необходимость учета многих обстоятельств дела. В частности, на наличие в действиях гражданина признаков предпринимательской деятельности могут указывать такие факты, как количество переданного за плату товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг; размещение рекламных объявлений; выставление образцов товаров в местах продажи; закупка товаров и материалов; заключение договоров аренды помещений⁸; хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сделок; взаимосвязанность всех совершаемых гражданином в определенный период сделок; устойчивые связи с продавцами, покупателями, прочими контрагентами⁹.

Показательным в практике является дело о привлечении гражданина к административной ответственности, установленной в ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии). Мировой судья и вышестоящие судебные инстанции, казалось бы, справедливо исходили из того, что сдача внаём посуточно и по часам жилого помещения является предпринимательской деятельностью. Однако с таким выводом не согласился Верховный Суд Российской Федерации¹⁰. Он отменил постановление ми-

рового судьи, решение судьи районного суда и постановление заместителя председателя краевого суда и прекратил производство по данному делу в связи с отсутствием события административного правонарушения, сославшись на письмо Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 6 июля 2004 г. № 04-3-01/398 «О сдаче помещений в аренду (наем)», Управления Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по г. Москве от 10 октября 2003 г. № 27-11н/56495, Управления Федеральной налоговой службы по г. Москве от 6 сентября 2006 г. № 28-11/806212, в соответствии с которым сдача квартиры внаем выступает одним из способов реализации законного права гражданина на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом и не является предпринимательской деятельностью. Кроме того, он обратил внимание на п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём»¹¹, согласно которому в тех случаях, когда не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества временно сдало его в аренду или внаем и в результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Вопрос о квалификации деятельности в качестве предпринимательской поднимался даже до уровня Конституционного Суда Российской Федерации, в частности по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах». Он прямо

⁷ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁸ См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2013 г. № Ф01-5635/12 по делу № А11-11450/2011. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39521225/#ixzz4wFGbbxZA>

¹⁰ См.: постановление Верховного Суда РФ от 10 января 2012 г. № 51-АД11-7. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70043184/#ixzz4wFKF>

FOQC

¹¹ См.: п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253895/#ixzz4wFOy5aJ3>

установил, что деятельность акционеров не является предпринимательской; она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности, хотя и она влечет определенные экономические риски¹². Предпринимательскую деятельность осуществляют не акционеры как таковые, а само акционерное общество. Данный вывод в полной мере распространяется и на иные, помимо владения акциями, права участия в уставном капитале коммерческой организации и означает, что такое участие само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности¹³.

До 2017 г. квалифицирующим признаком предпринимательской деятельности выступала *легитимация* посредством проведения государственной регистрации лиц в качестве субъектов предпринимательской деятельности в установленном законом порядке. В этой связи отсутствие регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, как правило, указывало на отсутствие предпринимательской деятельности, хотя не исключало в ряде случаев применения правил ГК РФ об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 23 ГК РФ).

В определенной мере такое понимание предпринимательской деятельности корреспондировало с германским (субъективным) подходом, основанным на признании предпринимателями лиц, прямо перечисленных в законе. Такие лица включаются в торговый реестр в качестве предпринимателей. В частности, в Германии принято различать

несколько видов предпринимателей: так называемые «обязательные коммерсанты» (*ist Kaufmann*), «коммерсанты по желанию» (*kann Kaufmann*), «коммерсанты в силу правовой формы» (*Formkaufmann*) [6. С. 32, 33].

В свою очередь, согласно французскому (объективному) подходу предпринимателями признаются любые лица, которые совершают торговые сделки в процессе осуществления своей обычной профессии (ст. 1 Французского торгового кодекса), т. е. объективно ведут предпринимательскую деятельность. При этом законодательство соответствующей страны обычно содержит примерный (иногда исчерпывающий) перечень сделок или хозяйственных операций, которые признаются торговыми, а сама предпринимательская деятельность может быть начата после внесения сведений о предпринимателе в торговый реестр [6. С. 98–100].

В настоящее время, как уже было отмечено, легитимация субъекта предпринимательской деятельности исключена из легального определения такой деятельности. В то же время в п. 1 ст. 2 ГК РФ указывается, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ. Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя за исключением случаев, когда в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 1 ст. 23 ГК РФ). В этой связи возникает резонный вопрос, о каких таких отдельных видах предпринимательской деятельности идет речь, имея в виду, что в настоящее время отсутствуют соответствующие законодательные положения, не говоря уже об отдельном федеральном законе по этому вопросу.

Возвращаясь к истории принятия поправок в ГК РФ, следует указать на цель внесения рассматриваемых изменений — определить правовой статус физических лиц, оказывающих на индивидуальной основе по найму некоторые виды услуг физическим лицам без регистрации в качестве индиви-

¹² См.: п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, юридического лица и запросом Октябрьского районного суда города Пензы». URL: <http://base.garant.ru/12134445/#friends#ixzz51XTE5Xlr>

¹³ См.: п. 4.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта “в” части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogoSuda-rf-ot-27122012-n/>

дуальных предпринимателей. Предполагается, что в данном случае граждане могут быть освобождены от необходимости несения зачастую обременительных обязанностей, установленных для индивидуальных предпринимателей, что позволит снизить уровень неформальной занятости экономически активного населения и исключить признание деятельности самозанятых граждан незаконным предпринимательством¹⁴.

Другими словами, нововведение рассчитано на такие виды деятельности, как, например, сдача квартиры гражданами внаем за плату. Исходя из действующего законодательства получается, что лица, осуществляющие данную деятельность, не должны регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей, но при условии, что это будет прямо установлено в законе, которого до сих пор нет. Решение проблемы осложняется еще тем, что ранее судебная практика, имея в виду в первую очередь вышеназванную позицию Верховного Суда Российской Федерации, не признавала сдачу квартиры гражданами внаем за плату в качестве предпринимательской деятельности.

Более того, в законодательстве можно встретить отдельные положения, прямо указывающие на то, что тот или иной вид деятельности относится к предпринимательству и наоборот, когда он по сути соответствует признакам предпринимательской деятельности, но таковой не является. К примеру, в качестве предпринимательской деятельности прямо указываются торговая деятельность¹⁵, ведение фермерского хозяйства¹⁶, промышленное и прибрежное рыболовство¹⁷ и др. Напротив, существуют виды деятельности, которые не признаются законом предпринимательской, например реализация гражданами, ведущими личное

подсобное хозяйство, сельскохозяйственной продукции, произведенной и переработанной при ведении личного подсобного хозяйства¹⁸. Нельзя забывать, что существует также профессиональная деятельность, не признаваемая в качестве предпринимательской: нотариальная деятельность¹⁹; адвокатская деятельность²⁰; деятельность арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства)²¹ и др. Различие между субъектами предпринимательской и профессиональной деятельности проводит и Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»²², который регулирует деятельность саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности.

Представляется, что без четкого определения предпринимательской деятельности не обойтись. Требуется использование дополнительных (уточняющих) признаков предпринимательской деятельности. В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что предпринимательскую деятельность следует рассматривать как разновидность экономической деятельности. На это указывает АПК РФ²³ во многих своих положениях. К примеру, правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации (ст. 1 АПК РФ). Арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением

¹⁴ См.: пояснительную записку к проекту Федерального закона № 87981-7 «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/87981-7>

¹⁵ См.: п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

¹⁶ См.: п. 3 ст. 1 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

¹⁷ См.: п. 10 и 10.1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5270.

¹⁸ См.: п. 4 ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.

¹⁹ См.: ч. 6 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

²⁰ См.: п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

²¹ См.: п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 2.

²² См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

²³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 1 ст. 27 АПК РФ).

Такое понимание позволяет отграничить от предпринимательства иные виды деятельности, в частности любую творческую или профессиональную. При этом под экономической, или хозяйственной, деятельностью в литературе обычно понимают деятельность стоимостного характера по вложению, производству, распределению и обмену материальных и духовных благ. Она включает в себя, в частности, производство и реализацию товаров, выполнение работ и оказание услуг, приобретение и реализацию иного имущества, участие в юридических лицах [7. С. 9; 8. С. 19].

Подобное определение, но в отношении хозяйственной деятельности, предусмотрено, к примеру, в п. 1 ст. 3 Хозяйственного кодекса Украины²⁴: это деятельность субъектов хозяйствования в сфере общественного производства, направленная на изготовление и реализацию продукции, выполнение работ либо оказание услуг стоимостного характера, имеющих ценовую определенность. Соответственно, она может представлять собой предпринимательство (если осуществляется для достижения экономических и социальных показателей и с целью получения прибыли) или некоммерческую хозяйственную деятельность (п. 2 ст. 3 Хозяйственного кодекса Украины).

В этой связи становится понятным, что предпринимательскую деятельность, в отличие от иной экономической, могут осуществлять далеко не любые субъекты права. В частности, это касается государства (публично-правового образования), деятельность которого априори направлена не на систематическое извлечение прибыли, а на выполнение внутренних и внешних функций государства, хотя в литературе можно встретить иную, не совсем понятную позицию по этому вопросу [9]. Существуют некоммерческие организации, которые могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, причем лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Интересно, но в п. 2

ст. 24 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²⁵ предусмотрено несколько иное положение: некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Такой деятельностью признаются приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика.

Нельзя также не обратить внимание на то, что далеко не любой риск может являться признаком предпринимательской деятельности. В нашем случае следует вести речь именно о предпринимательском риске – вероятности наступления неблагоприятных имущественных последствий в предпринимательской сфере, начиная с возникновения убытков и заканчивая банкротством.

Наконец, представляет интерес использование дополнительных критериев, предложенных в науке, законодательстве и даже судебной практике, которые в определенной степени отражают или развивают законодательные признаки предпринимательской деятельности: профессионализм [10. С. 20, 21], или осуществление деятельности с применением профессиональных знаний и опыта, направленных на минимизацию рисков²⁶; наличие обособленного имущества на праве частной собственности либо права хозяйственного ведения или оперативного управления государственным предприятием [11. С. 33–34]; самостоятельная имущественная ответственность [12. С. 182]; использование материальных и нематериальных ресурсов, создание рабочих мест, производство товара [13]; новаторский или инновационный характер [14. С. 68] и др. Вместе с тем в литературе можно встретить и крити-

²⁴ См.: Хозяйственный кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 436-IV. URL: http://yurist-online.org/laws/codes/hoz/hozyaistvennyi_kodeks_na_russkom.pdf

²⁵ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; 2010. № 19. Ст. 2291.

²⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 марта 2016 г. № Ф04-343/16 по делу № А45-7597/2015.

ку в отношении ряда предлагаемых признаков [5. С. 38–42].

Если обратиться к зарубежному законодательству, к примеру стран СНГ, которые, казалось бы, должны придерживаться таких же подходов к пониманию предпринимательской деятельности, что и в Российской Федерации, то здесь можно увидеть несколько иные определения по сравнению с п. 1 ст. 2 ГК РФ, более точно, на наш взгляд, раскрывающие предпринимательскую деятельность. Так, согласно п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь²⁷ предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления. Тем самым дополнительно указываются субъекты предпринимательской деятельности, их имущественная ответственность, цель использования (реализации) вещей (работ, услуг). При этом в том же п. 1 ст. 1 ГК Республики Беларусь прямо перечисляются виды деятельности, которые не признаются в качестве предпринимательской, например: ремесленная деятельность; деятельность граждан Республики Беларусь, осуществляющих ведение личных подсобных хозяйств, по производству, переработке и реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции; адвокатская деятельность; нотариальная деятельность нотариусов; деятельность третейских судей; деятельность, осуществляемая в рамках временных научных коллективов; репетиторство; чистка и уборка жилых помещений; деятельность актеров, танцоров, музыкантов, исполнителей разговорного жанра, выступающих индивидуально; сдача внаем (поднаем) жилых помещений, кроме предоставления мест для краткосрочного проживания, и т. д.

В п. 1 ст. 2 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан²⁸ предпринимательство определяется как самостоятельная, инициативная деятельность граждан, оралманов и юридических лиц, направленная на получение чистого дохода путем использования имущества, производства, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, основанная на праве частной собственности (частное предпринимательство) либо на праве хозяйственного ведения или оперативного управления государственным предприятием (государственное предпринимательство). Предпринимательская деятельность осуществляется от имени, за риск и под имущественную ответственность предпринимателя. В этом определении также указывается на круг субъектов предпринимательской деятельности, их имущественную ответственность, а также на инициативность, наличие права частной собственности, права хозяйственного ведения или оперативного управления. Требование государственной регистрации здесь также отсутствует. В то же время в п. 2 ст. 35 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан устанавливаются условия, при которых индивидуальные предприниматели подлежат обязательной государственной регистрации: а) использование труда наемных работников на постоянной основе; б) наличие от частного предпринимательства совокупного годового дохода, исчисленного в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан, в размере, превышающем не облагаемый налогом размер совокупного годового дохода, установленный для физических лиц законами Республики Казахстан. Такое законодательное решение представляется вполне разумным и заслуживает использования и в Российской Федерации, поскольку это значительно облегчило бы задачу квалификации предпринимательской деятельности в качестве правомерной или неправомерной как для самих предпринимателей, так и для правоприменителей.

Таким образом, предусмотренное в ГК РФ легальное определение предпринимательской деятельности является неточным и не позволяет в полной мере отграничить ее от других видов деятельности, в первую

²⁷ См.: Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>

²⁸ См.: Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V. URL: <http://online.zakon.kz/>

очередь от иной экономической или профессиональной деятельности. Оно требует своего более детального уточнения путем раскрытия своего основного квалифицирующего признака – систематическое получение прибыли, и законодательного установления перечня видов деятельности, не признаваемых в качестве предпринимательской. Кроме того, в связи с исключением требования легитимации из легального определения предпринимательской деятельности необходимо на законодательном уровне предусмотреть случаи, когда при осуществлении отдельных видов предпринимательской деятельности граждане должны быть зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей и, напротив, когда они могут осуществлять такую деятельность без государственной регистрации.

Список литературы

1. Российское предпринимательское право / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 1064 с.
2. Предпринимательское право России / Отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2016. 656 с.
3. Ершова И. В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // *Lex Russica*. 2014. № 2. С. 160–167.
4. Олейник О. М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике // *Предпринимательское право*. 2013. № 1. С. 2–17.
5. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 432 с.
6. Коммерческое право зарубежных стран / Под ред. В. Ф. Попондопуло. СПб.: Питер, 2003. 288 с.
7. Знаменский Г. Л. Новое хозяйственное право. Избранные труды. Киев: Юринком Интер, 2012. 488 с.
8. Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 1008 с.
9. Кондратенко З. К., Шабалин Г. Ю. Предпринимательская деятельность муниципальных образований // *Марийский юридический вестник*. 2016. № 4 (19). С. 86–88.
10. Предпринимательское (хозяйственное) право / Под ред. О. М. Олейник. М., 1999. Т. 1.
11. Мороз С. П. Предпринимательское (хозяйственное) право. Алматы, 2009. 266 с.
12. Лаптев В. В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. Екатеринбург, 2008. 536 с.
13. Олейник О. М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования // *Предпринимательское право*. 2015. № 1. С. 3–17.
14. Шумпетер Й. Теория экономического роста. М., 1982.

Материал поступил в редколлегию 15.02.2018

V. N. Lisitsa

*Novosibirsk State Agriculture University
160 Dobrolyubova Str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation*

lisitsa@mail.ru

BUSINESS ACTIVITY: THE CONCEPT, PROBLEMS AND WAYS TO THEIR RESOLVEMENT

The article examines the concept and qualifying features of business activity. It is argued that its legislative criteria (independence, risk, focus on the systematic extraction of profit) have insufficiency and require more details, in particular, by disclosure of its key feature – the systematic character of the extraction of profit as well as the legislative establishment of the list of activities not recognized as business. In addition, in regard to the amendments of the legal definition of entrepreneurship it is necessary at the legislative level to provide for cases, when individuals must be regis-

tered as individual entrepreneurs and when they can perform some types of business activity without the state registration.

Keywords: business activity, economic activity, professional activity, individual entrepreneurs, conducting business activity without state registration.

References

1. Ershova I. V., Otnuykova G. D. (ed.). Rossiyskoye predprinimatelskoye pravo [Russian Business Law]. Moscow, Velbi & Prospekt Publ., 2006, 1064 p. (in Russ.)
2. Belukh V. S. (ed.). Predprinimatelskoye pravo Rossii [Business Law of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 656 p. (in Russ.)
3. Ershova I. V. Definition of Business Activity in Theory and Judicial Practice. *Lex Russica*, 2014, № 2, p. 160–167. (in Russ.)
4. Oleinik O. M. Making criteria of qualification of business activity in judicial practice. *Predprinimatelskoye pravo [Business Law]*, 2013, № 1, p. 2–17. (in Russ.)
5. Belykh V. S. Pravovoye regulirovaniye predprinimatelskoi deyatel'nosti v Rossii [Legal Regulation of Business Activity in Russia]. Moscow, Velbi & Prospekt Publ., 2005. 432 p. (in Russ.)
5. Popondopulo V. F. (ed.). Kommercheskoye pravo zarubezhnykh stran [Commercial Law of Foreign Countries]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003, 288 p. (in Russ.)
7. Znamenskii G. L. Novoye khozyastvennoye pravo [New Economic Law]. Kiev, Juridcom Inter Publ., 2012, 488 p. (in Russ.)
8. Gubin E. P., Lakhno P. G. (ed.). Predprinimatelskoye pravo Rossiiskoi Federatsii [Business Law of the Russian Federation]. Moscow, Norma & Infra-M Publ., 2010, 1008 p. (in Russ.)
9. Kondratenko Z. K., Shabalin G. Yu. Business Activity of Municipalities. *Mariiskii juridicheskii vestnik [Marii Juridical Bulletin]*, 2016, № 4 (19), p. 86–88. (in Russ.)
10. Oleinik O. M. (ed.). Predprinimatelskoye (khozyastvennoye) pravo [Business (Economic) Law]. Moscow, 1999, vol. 1. (in Russ.)
11. Moroz S. P. Predprinimatelskoye (khozyastvennoye) pravo [Business (Economic) Law]. Almaty, 2009, 266 p. (in Russ.)
12. Laptev V. V. Predprinimatelskoye (khozyastvennoye) pravo [Business (Economic) Law]. Yekaterinburg, 2008, 536 p. (in Russ.)
13. Oleinik O. M. Definition of business activity: theoretical issues of formation. *Predprinimatelskoye pravo [Business Law]*, 2015, № 1, p. 3–17. (in Russ.)
14. Shumpeter Y. Teoriya ekonomicheskogo rosta [Theory of Economic Development]. Moscow, 1982. (in Russ.)

For citation:

Lisitsa V. N. Business Activity: The Concept, Problems and Ways to Their Resolution. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 31–39. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-31-39

УДК 349

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-40-46

Е. В. Ваймер

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Партизанская, 187, Барнаул, 656000, Россия*

jur@alt.ranepa.ru

ПРИНЦИПЫ НАЛОЖЕНИЯ НАЛОГОВЫХ САНКЦИЙ

Исследуются правила наложения налоговых санкций, таких как законность, однократность, не сложение налоговых санкций, ответственность за вину, презумпция невиновности, справедливость. Автор статьи формулирует правила наложения налоговых санкций как принципы назначения мер налоговой ответственности, которыми следует руководствоваться при применении налогового штрафа. При этом подчеркивается, что пеня не является мерой ответственности за совершение налоговых правонарушений, а значит, сформулированные правила не распространяются на случаи ее начисления. Принципы наложения налоговых санкций выделяются на основе анализа законодательства о налогах и сборах, а также материалов судебной практики в соответствии с общими принципами юридической ответственности.

Ключевые слова: налоговая санкция, пеня, принципы юридической ответственности.

В научном плане и, особенно, с практической точки зрения требуют формулирования правила, основные принципы назначения налоговых санкций при привлечении налогоплательщиков, налоговых агентов, банков и иных лиц к ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Как показывает анализ главы 15 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)¹, основными принципами наложения налоговых санкций являются: законность; однократность; не сложение налоговых санкций; ответственность за вину; презумпция невиновности; справедливость.

Общеправовое требование законности нашло отражение в п. 1 ст. 108 НК РФ, где этот принцип имеет как материально-правовую, так и процессуально-правовую со-

ставляющую. В этой связи совершенно справедливо высказывание В. М. Малиновской о том, что принцип законности в институте налоговой ответственности включает в себя как наличие законных оснований для привлечения за совершение налогового правонарушения, так и привлечение к ответственности только в порядке, установленном законом [1. С. 38].

Если проводить сравнительные параллели, то необходимо отметить, что нормативная конструкция, установленная НК РФ, отличается от общепринятой, предусмотренной, скажем, уголовным или административным законодательством. В п. 3 ст. 108 НК РФ указано, что основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в законную силу.

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2018. № 9. Ст. 1291.

Представляется весьма неудачным указание только на процессуальное основание привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения. Материальным же основанием привлечения лица к ответственности является наличие всех признаков состава налоговых правонарушений, установленных главами 16 и 18 НК РФ.

Справедливости ради следует признать, что в решении о привлечении лица к ответственности за совершение налогового правонарушения должны быть выявлены все элементы состава налогового правонарушения. Что же касается порядка привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, то НК РФ устанавливает два порядка производства по делам о налоговых правонарушениях, указывая на различность порядка их рассмотрения. Так, дела о выявленных в ходе налоговой проверки правонарушениях рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 101 НК РФ. В свою очередь, дела о выявленных в ходе иных мероприятий налогового контроля налоговых правонарушениях рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 101.4 НК РФ. Нарушение существенных условий порядка производства по делам о налоговых правонарушениях является безусловным основанием для отмены решения налогового органа о привлечении к ответственности.

Следующий принцип, который необходимо применять при назначении налоговой санкции, – это принцип однократности применения налоговой санкции (*non bis idem* – не дважды за одно). При всей однозначности толкования принципа, закрепленного в п. 2 ст. 108 НК РФ, следует указать на несколько спорных моментов.

Во-первых, весьма серьезные теоретические и практические проблемы возникали при разграничении составов правонарушений, предусмотренных в п. 3 ст. 120 и ст. 122 НК РФ. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18 января 2001 г. № 6-О указал на то, что обе нормы называют один и тот же квалифицирующий признак этих правонарушений, – это занижение налогооблагаемой базы, повлекшее неуплату или неполную уплату налога. В результате правоприменения лицо, совершившее правонарушение, предусмотренное п. 1 ст. 122, одновременно может быть привлечено к ответственности и по п. 1, и по п. 3 ст. 120,

т. е. будет наказано дважды за одно и то же неправомерное деяние².

Несмотря на то, что арбитражная практика выработала правило разграничения смежных составов, а именно, если база была занижена по иным основаниям, нежели указано в п. 3 ст. 120 НК РФ, хозяйствующий субъект несет ответственность, предусмотренную ст. 122 НК РФ, налоговые органы предпочитают руководствоваться фискальной логикой, и применяют ту норму, по которой по расчетам больше сумма штрафа.

Во-вторых, НК РФ не содержит положения о том, что привлечение физических лиц к ответственности за совершение налогового правонарушения освобождает их от административной или уголовной ответственности. Судебная практика знает случаи, когда налогоплательщик – физическое лицо был привлечен к ответственности по п. 1 ст. 122 НК РФ и соответственно уплатил штраф. Однако в ходе выездной налоговой проверки по тому же предмету и за тот же период были выявлены неправомерные деяния, повлекшие неуплату налога в крупном размере, и по данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации³.

При назначении налоговых санкций следует руководствоваться п. 5 ст. 114 НК РФ, которая не предусматривает возможности поглощения санкций, то есть применения наказания в пределах только одной санкции, если лицо совершило два и более налоговых правонарушения. В таком случае правонарушителю придется заплатить штраф за каждое совершенное налоговое правонарушение, в отношении которого установлена его вина.

² Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2001 г. № 6-О «По запросу Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 120 и пункта 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 3.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лосева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 198 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2009 г. № 1488-О-О. Документ опубликован не был. См.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.04.2018).

Таким образом, действует принцип ответственности за вину. В общем виде этот принцип закреплен в ст. 106 НК РФ, где указано, что отсутствие вины лица, совершившего налоговое правонарушение, исключает возможность применения к такому лицу налоговых санкций. В связи с этим необходимо иметь в виду, что освобождение лица от ответственности за совершение налогового правонарушения освобождает его только от взыскания налоговых санкций, но вовсе не освобождает от взыскания пени и уплаты недоимки (п. 5 ст. 108 НК РФ).

В ст. 111 НК РФ указаны обстоятельства, исключаящие вину лица в совершении налогового правонарушения. Не вдаваясь в описание этих обстоятельств, поскольку этот вопрос требует самостоятельного исследования, укажем на то, что этот перечень не является исчерпывающим (подп. 4 п. 1 ст. 111 НК РФ).

Следующий принцип, которым необходимо руководствоваться при привлечении к налоговой ответственности и назначении налоговой санкции, – это конституционно-правовой принцип презумпции невиновности. В п. 6 ст. 108 НК РФ сформулировано несколько положений, раскрывающих этот принцип следующим образом: лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке; лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения; обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы; неустрашимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Следование общеправовому принципу справедливости предполагает дифференцированное установление налоговых санкций с учетом характера налогового правонарушения, степени его общественной вредности, соразмерности причиненного вреда и суммы штрафа, а также личности правонарушителя и обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность. Другими словами, размер налоговых санкций должен быть обоснован правоприменителем с учетом объективных и субъективных условий.

Характер налогового правонарушения имеет обобщенный, собирательный смысл, его содержание включает в себя квалифицирующие и основные признаки того или иного налогового правонарушения, которые должны быть установлены налоговым органом или судом.

Общественная вредность налоговых правонарушений не вызывает сомнений. В одних случаях вред причиняется фискальным интересам государства (казна не получает часть налоговых доходов), и здесь необходимо точно установить размер причиненного ущерба и применить восстановительные меры. В других случаях вред причиняется нормальному функционированию деятельности контрольно-надзорных органов.

Соразмерность налоговой санкции означает то, что размер штрафа должен отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации и ст. 3 НК РФ условиям. Многократное превышение суммы штрафа над суммой взыскиваемого налога при привлечении к ответственности ведет к возложению на налогоплательщика чрезмерного бремени. И наоборот, символическая налоговая санкция ведет к произволу и последующему совершению налоговых правонарушений. Как верно заметила О. О. Журавлева, излишняя суровость санкций, равно как и их мягкость, может оказать пагубное влияние на соблюдение налогоплательщиками требований налогового законодательства, а как следствие, снизить бюджетную обеспеченность отдельных территорий и государства в целом [2. С. 112].

Выбор оптимальной санкции должен служить основной цели ее применения – это предупреждение налогового правонарушения, а также исправление и перевоспитание нарушителей законодательства о налогах и сборах, совершенствование их финансово-хозяйственной деятельности.

При назначении налоговой санкции учитываются обстоятельства, смягчающие или отягчающие налоговую ответственность. Обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, указаны в п. 1 ст. 112 НК РФ, и все они имеют субъективный характер и связаны с личностью правонарушителя, а потому этот перечень не может быть исчерпывающим. Неоднократно суды высказывались о том, что недостаточно только констатировать факт правонарушения без учета

личности налогоплательщика и других обстоятельств⁴.

Сложившаяся судебная практика показывает, что смягчающими могут быть признаны следующие обстоятельства: возраст налогоплательщика; наличие на иждивении налогоплательщика несовершеннолетнего ребенка и жены, находящейся в состоянии беременности; состояние здоровья привлекаемого к ответственности лица и его близких; отсутствие неблагоприятных экономических последствий правонарушения и причиненного государству материального ущерба; незначительный характер правонарушения; общеобразовательный характер налогоплательщика, его финансирование из средств бюджета; отсутствие привлечения к налоговой ответственности в течение года. Однако в каждом случае суд либо налоговый орган самостоятельно решает вопрос о правомерности смягчения ответственности, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Единственным обстоятельством, отягчающим ответственность, признается совершение налогового правонарушения лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное правонарушение. Лицо, на которое наложена налоговая санкция, считается подвергнутым наказанию в течение двенадцати месяцев с момента вступления в законную силу решения суда или налогового органа. Согласно п. 4 ст. 114 НК РФ при наличии отягчающего обстоятельства размер штрафа увеличивается на 100 %.

Необходимо заметить, что термин «аналогичное правонарушение» может толковаться различно. С одной стороны, под аналогичным правонарушением можно понимать любое нарушение законодательства о налогах и сборах. С другой стороны, можно понимать только налоговое правонарушение, предусмотренное той же статьей НК РФ, что и правонарушение, за которое налогоплательщик привлекался к ответственности. Кроме того, следует заметить, что разными пунктами одних и тех же статей главы 16 НК РФ предусматриваются несколько разных составов налоговых правонаруше-

ний, и они не могут рассматриваться как аналогичные.

Имеется и более интересная позиция, с которой нельзя согласиться. Так, суд счел неправомерным увеличение размера штрафа налогоплательщику на том основании, что неподача декларации по специальному налоговому режиму (ЕНВД), за которое организация была привлечена к ответственности, а позднее по водному налогу не являются аналогичными налоговыми правонарушениями, так как деяния совершены по различным налогам. Считаем, что для признания лица совершившим правонарушение повторно не имеет значения факт привлечения к налоговой ответственности по одному и тому же или разным налогам и должен учитываться как обстоятельство, отягчающее ответственность.

Обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, устанавливаются судом или налоговым органом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций. В контексте рассматриваемого вопроса важны следующие обстоятельства: во-первых, отсутствие ходатайства налогоплательщика о применении судом смягчающих ответственность обстоятельств не исключает обязанности суда дать оценку соразмерности исчисленного штрафа тяжести совершенного правонарушения и применить иные смягчающие ответственность обстоятельства; во-вторых, рассмотрение возможности применения положений ст. 112 НК РФ необходимо даже в том случае, если инспекция или иной полномочный орган частично уже применил их [3. С. 5].

При наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не менее чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей НК РФ. В Постановлении от 11 июня 1999 г. № 41/9 Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указано, что в п. 3 ст. 114 НК РФ установлен лишь минимальный предел снижения налоговой санкции, и по результатам оценки соответствующих обстоятельств (характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) суд или налоговый ор-

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2002 г. № 6106/01 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 7.

ган вправе уменьшить размер взыскания и более чем в два раза⁵. Таким образом, сумма штрафа, назначаемого за совершение налогового правонарушения в случае установления хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства может быть снижена в пределах от 50 до почти 100 % размера налоговой санкции. Однако сумма штрафа не может быть снижена до нуля, поскольку это фактически будет являться освобождением привлекаемого лица от ответственности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что налоговое законодательство не содержит норм о возможности снижения начисленных налоговым органом за несвоевременную уплату налогоплательщиком налога пеней при наличии смягчающих ответственность обстоятельств. В этой связи позволим себе не согласиться с мнением О. В. Доброскок, который предлагает такой принцип установления налоговой ответственности, как принцип компенсации. По его мнению, этот принцип проявляется в возмещении потерь бюджета путем получения налоговых обязательств в полном объеме и временной компенсации несвоевременного поступления налогов и сборов в виде уплаты пени (ст. 75 НК РФ) [4. С. 41].

Справедливости ради следует сказать о том, что при применении аналогии закона подлежащая уплате пеня, в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, может быть уменьшена в судебном порядке (п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса РФ)⁶. Более того, считаем абсолютно справедливой проектную норму, согласно которой максимальный размер пени не должен превышать размер недоимки, сколько бы ни длился период неуплаты.

В этой связи уместным будет процитировать позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой при некоторых обстоятельствах размер имуще-

ственной ответственности, к которой привлекается нарушитель, в сопоставлении с совершенным им деянием может превысить допустимый с точки зрения принципов равенства и справедливости предел и тем самым привести к нарушению ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, а в конечном счете – к нарушению ее ст. 21, гарантирующей охрану государством достоинства личности и не допускающей наказаний, унижающих человеческое достоинство⁷.

Вместе с тем стоит отметить, что отечественное законодательство о налогах и сборах относит пеню не к налоговым санкциям и мерам ответственности за совершение налоговых правонарушений, а к одному из способов обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов, и для ее взыскания не требуется установление вины, являющейся по ст. 106 НК РФ обязательным признаком налогового правонарушения. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 1996 г. № 20-П⁸ или Определении от 4 июля 2002 г. № 202-О⁹, пеня является дополнительным платежом, направленным на компенсацию потерь государственной казны в результате неполучения налогов в установленный срок. Поэтому закрепление принципа компенсации как принципа привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения является конструктивно не верным.

Неоспоримо мнение В. Семенихина о том, что при одновременном наличии смяг-

⁵ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 9 от 11 июня 1999 г. // Рос. газета. 1999. № 128.

⁶ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 07.02.2017) // Бюлл. Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

⁷ По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П // СЗ РФ. 2016. № 52. Часть V. Ст. 7729.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции”» // Вестн. Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 5.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2002 г. № 202-О «По жалобе унитарного государственного предприятия “Дорожное ремонтно-строительное управление № 7” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

чающих и отягчающих обстоятельств недопустимо принимать во внимание только смягчающие либо только отягчающие обстоятельства, они должны рассматриваться в совокупности по каждому эпизоду правонарушения [5]. Представляется, что такая позиция автора полностью соответствует общеправовому принципу справедливости.

Подытоживая рассмотрение принципов назначения налоговых санкций, необходимо отметить, что все приведенные принципы образуют систему правил, характеризующуюся единством, целостностью, взаимодействием элементов и их взаимообусловленностью. Принципы назначения налоговых санкций не существуют обособленно, изолированно друг от друга, они должны действовать комплексно. Каждый входящий в систему принцип должен толковаться и осуществляться с учетом других, с тем чтобы налоговое правоприменение соответствовало идеям правового, социального и демократического государства, соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Список литературы

1. Малиновская В. М. Ответственность за налоговые правонарушения: научно-практи-

ческий комментарий к главе 15 Налогового кодекса Российской Федерации // Реформы и право. 2014. № 4. С. 34–45.

2. Журавлева О. О. Налоговые санкции: понятие, система и перспективы развития // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 112–124.

3. Бабкин А. И. Возвращаясь к вопросу о законности и справедливости применения санкций за налоговые правонарушения // Российский судья. 2015. № 1. С. 3–5.

4. Доброскок О. В. Принципы установления налоговых санкций // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 41

5. Семенихин В. Ответственность за нарушения налогового законодательства. Налоговые санкции и их не поглощение. URL: <http://www.klerk.ru/buh/articles/455476/> (дата обращения 20.04.2018).

Материал поступил в редколлегию 22.04.2018

E. V. Vaimer

*Altai Branch of the Russian Academy of National Economy
and State Service under the President of the Russian Federation
187 Partizanskaya Str., Barnaul, 656000, Russian Federation*

jur@alt.ranepa.ru

PRINCIPLES OF THE APPLICATION OF TAX SANCTIONS

The article explores the rules for imposing tax sanctions, such as legality, single-time, not adding tax sanctions, responsibility for guilt, presumption of innocence, justice. The author of the article formulates the rules for imposing tax sanctions as the principles for setting tax liability measures, which should be followed when imposing a tax penalty. At the same time, it is stressed that the penalty fee is not a measure of responsibility for committing tax offenses, which means that the formulated rules do not apply to cases of accrual. The principles of imposing tax sanctions are allocated on the basis of an analysis of the law on taxes and fees, as well as materials of judicial practice in accordance with the general principles of legal responsibility.

Keywords: tax sanction, penalty, principles of legal responsibility.

References

1. Malinovskaya V. M. *Otvetstvennost' za nalogovyye pravonarusheniya: nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 15 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Responsibility for tax offenses-

es: a scientific and practical commentary on Chapter 15 of the Tax Code of the Russian Federation]. *Reforms and Law*, 2014, № 4, p. 34–45. (in Russ.)

2. Zhuravleva O. O. Nalogovyye sanktsii: ponyatiye, sistema i perspektivy razvitiya [Tax sanctions: concept, system and perspectives of development]. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 10, p. 112–124. (in Russ.)

3. Babkin A. I. Vozvrashchayas' k voprosu o zakonnosti i spravedlivosti primeneniya sanktsiy za nalogovyye pravonarusheniya [Returning to the question of the legality and fairness of applying sanctions for tax violations]. *Russian Judge*, 2015, № 1, p. 3–5. (in Russ.)

4. Dobroskok O. V. Printsipy ustanovleniya nalogovykh sanktsiy [Principles of setting tax sanctions]. *Vector of science TSU. Series: Economics and Management*, 2015, no. 4 (23), p. 41. (in Russ.)

5. Semenikhin V. Otvetstvennost' za narusheniya nalogovogo zakonodatel'stva. Nalogovyye sanktsii i ikh ne pogloshcheniye [Responsibility for violations of tax legislation. Tax sanctions and their non-absorption]. URL: <http://www.klerk.ru/buh/articles/455476/> (date of circulation 20.04.2018). (in Russ.)

For citation:

Vaimir E. V. Principles of the Application of Tax Sanctions. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 40–46. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-40-46

Д. В. Кукелко

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

kdv001@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ КУРОРТНОГО СБОРА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Рассматриваются вопросы правовой природы и особенностей юридической конструкции курортного сбора, установленного Федеральным законом от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». Обращается внимание на то, что курортный сбор является общемировой практикой, ранее он применялся в СССР и Российской Федерации, но был отменен более 10 лет назад. Введение его в современный период имеет свои закономерности и свидетельствует о новом этапе развития системы обязательных платежей в нашей стране. С учетом этого исследованы признаки курортного сбора как фискального сбора, а также особенности юридических элементов данного сбора. В статье делается вывод о том, что юридическая конструкция сбора позволит достигнуть баланса интересов между федеральным центром, регионами и местным самоуправлением. Подчеркивается, что опыт, полученный в ходе реализации данного эксперимента, позволит отработать механизм взаимодействия всех уровней государственного и муниципального управления привлечения финансовых средств в бюджетную систему для решения конкретных актуальных задач развития территорий.

Ключевые слова: курортный сбор, фискальный сбор, юридическая конструкция, юридические элементы, муниципальные образования, региональный бюджет, курортная инфраструктура, индивидуальная возмездность, административная ответственность, финансовая ответственность.

В 2017 г. был принят Федеральный закон от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае»¹ (далее – Закон), который установил курортный сбор на территории четырех субъектов РФ.

Известно, что курортный сбор – это мировая практика. Например, в Египте он составляет 7 долларов, а в Каталонии (Испания) – от 0,75 до 2,50 евро с каждого постояльца за сутки проживания. Во Франции размер сбора определяют муниципалитеты, он также зависит от «звёздности» оте-

ля. Отели ниже трёх звёзд берут 0,9 евро, а пятизвёздные – 3 евро².

Курортный сбор не является абсолютно новым и для нашей правовой системы. Он применялся ещё в законодательстве СССР. Так, в п. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.01.1981 «О местных налогах и сборах», утверждённого Законом СССР от 24.06.1981³, было установлено, что законами союзных республик, Указами Президиумов Верховных Советов союзных республик и постановлениями Советов Министров союзных республик могут вводить-

¹ СЗ. 2017. № 31. Часть I. Ст. 4763.

² URL: <https://www.pnp.ru/economics/kurortnyy-sbor-vvedut-s-1-yanvarya-2018-goda.html> (дата обращения 09.04.2018).

³ Ведомости ВС СССР. 1981. № 26. Ст. 840.

ся местные сборы с граждан за предоставляемые им услуги, связанные с организацией туризма, отдыха и экскурсий, любительского рыболовства и охоты, а также за другие виды услуг для частичного возмещения расходов на указанные цели.

Курортный сбор просуществовал на территории Российской Федерации с 1992 по 2003 г. и относился к местным сборам. Он регулировался Законом РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2018-1 «О курортном сборе с физических лиц»⁴, который утратил силу с 1 января 2004 г. в связи с принятием Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 117-ФЗ⁵. В нем устанавливались такие элементы, как плательщики, порядок уплаты, ставка (ее предельный размер).

Место курортного сбора в системе обязательных платежей определяется его правовой природой. Его особенностью является то, что он установлен как разновидность фискального сбора (фискального платежа неналогового характера) не законодательством о налогах и сборах, а иным федеральным законом.

Под фискальным сбором в научной литературе понимается «специфическая (неналоговая) форма возложения на физических лиц или организации основанной на законе либо установленной подзаконным правовым актом органа исполнительной власти обязанности по формированию доходов бюджета посредством взимания платы за совершение в пользу плательщиков уполномоченными государственными органами определенных юридически значимых действий и услуг на началах индивидуальной возмездности» [1. С. 86].

Таким образом, изначально подчеркивается индивидуально-возмездный и компенсационный характер сбора, в то время как налог имеет характер макроэкономический, общесоциальный [2. С. 94].

Конституционный Суд Российской Федерации также часто решал вопрос о правовой природе того или иного платежа⁶, что

позволило исследователям обобщить судебную практику по этому вопросу и определить основные признаки неналоговых платежей [3. С. 149–164; 4. С. 101]. Выделяют шесть признаков.

Первый признак неналогового платежа – его целевая направленность. Исследователи полагают, что цель установления сборов обусловлена необходимостью материального обеспечения задач и функций публично-правовых образований, но, в отличие от обеспечительной цели налогов, такая обеспечительная цель сборов обусловлена интересами и потребностями самого плательщика [5. С. 11].

Второй признак неналогового платежа – причинение действиями плательщика, обусловливающими обязанность внесения платежей, ущерба государственной собственности, порождение ими дополнительных расходов государства. Если рассматривать природные лечебные ресурсы как собственность государства, то, безусловно, увеличение туристического потока негативно скажется на качестве таких ресурсов. Полагают, что курортный сбор представляет собой аналог платы за негативное воздействие на окружающую среду, однако взиматься он согласно ст. 6 Закона может только с физических лиц, достигших совершеннолетия, проживающих в объектах размещения более 24 часов.

Третий признак неналогового платежа – учет ряда параметров действий плательщика с целью максимальной индивидуализации размера платы (признак соразмерности платежа и услуги). При этом в законе предусмотрены категории физических лиц, которые могут быть освобождены от уплаты курортного сбора.

Четвертый и пятый признаки неналогового платежа весьма схожи: возникновение обязанности внесения платежей в связи с обращением конкретного субъекта (признак индивидуальной возмездности) и несвойственная налоговым платежам свобода выбора

⁴ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 20.02.1992. № 8. Ст. 364.

⁵ СЗ. 2003. № 28. Ст. 2886.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 1998 года № 22-П // СЗ. 1998. № 30. Ст. 3800; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.04.2016 № 10-П // СЗ. 2016. № 16. Ст. 2285; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2016 г. № 14-П // СЗ. 2016. № 24. Ст. 3602;

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2002 г. № 88-О // СЗ. 2002. № 23. Ст. 2249; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2002 г. № 283-О // СЗ. 2002. № 52. Часть II. Ст. 5289; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2002 г. № 284-О // СЗ. 2002. № 52. Часть II. Ст. 5290; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.10.2016 № 2152-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

(совершить или нет соответствующие действия). Курортный сбор взимается только с физических лиц, проводящих отдых на территории курортов. Следовательно, если лицо не пребывает на территории курорта в качестве пользователя инфраструктуры курорта, то с него не может быть истребован курортный сбор. При этом лицо самостоятельно решает вопрос о посещении того или иного курорта.

Представляется, что это достаточно спорный аргумент, потому что пребывание в той или иной местности с трудом можно отнести к пользованию инфраструктурой. Иначе нужно признать, что подобный инфраструктурный сбор можно устанавливать на любой территории. Здесь правильнее говорить о том, что подобные территории являются востребованными только в определенный период в течение года и с учетом особенностей их использования в качестве рекреационных зон расположение там промышленных объектов недопустимо. Поэтому говорить о признаке индивидуальной возмездности установленного курортного сбора можно только очень условно. При этом вполне оправдано со стороны законодателя отнесение курортного сбора именно к неналоговым платежам, так в данном случае возможно использование финансовых средств от его применения по целевому назначению, а не на покрытие общих расходных обязательств.

Шестой признак неналогового платежа – это следствие невнесения платежа, которое выражается в установлении административной (или финансовой. – Д. К.) ответственности за неуплату курортного сбора.

Возможность применения юридической ответственности может быть использована не только в отношении пользователей инфраструктуры, но и в отношении операторов курортного сбора, обязанных, согласно законопроекту, взимать указанный сбор и перечислять его в фонд.

В настоящее время административная ответственность предусматривается, например, Законом Краснодарского края от 27 ноября 2017 г. № 3690-КЗ «О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края “Об административных правонарушениях”»⁷, которым была

введена глава 9, примеч. 1 «Административные правонарушения, связанные с проведением на территории Краснодарского края эксперимента по развитию курортной инфраструктуры».

Правовой механизм установления финансовой ответственности предусмотрен в Алтайском крае в ст. 10 Закона Алтайского края от 1 ноября 2017 г. № 76-ЗС «О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае»⁸.

Другие ученые также считают, что курортный сбор (плата за пользование курортной инфраструктурой) установлен как фискальный платеж неналогового характера, так как денежные средства от его уплаты предполагается расходовать в публичных интересах, а их аккумулирование в фонде в составе бюджета возможно в компенсационных целях: как решение социально значимых проблем в рамках курортного региона (сохранение и восстановление объектов курортной инфраструктуры), а не как следствие покрытия фактически понесенных затрат органов государственной власти, иных уполномоченных органов, должностных лиц при оказании услуг индивидуальному плателыщику [6. С. 33].

В научной литературе обращается внимание на то, что компенсационный характер сбора – очень удобное основание для взимания платы, поскольку позволяет распространить его на широкий перечень функций и видов деятельности государства в отношении общества в целом, физических лиц и организаций в частности, что подтверждает актуальность темы сбора для государства как средства пополнения бюджетов разного уровня [7. С. 8].

В Основных направлениях налоговой политики на 2017 и плановый период 2018 и 2019 гг.⁹ в п 1.4 Раздела II «Неналоговые платежи» указано, что в целях снижения административной нагрузки на бизнес предполагается провести анализ всех неналоговых платежей на предмет выявления платежей, имеющих налоговую природу с последующим перенесением основ правового регулирования таких платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее –

⁸ URL: <https://rg.ru/2017/11/29/altkrai-zakon76-reg-dok.html> (дата обращения 09.04.2018).

⁹ URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=116206 (дата обращения 09.04.2018).

⁷ URL: <https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html> (дата обращения 09.04.2018).

Налоговый кодекс)¹⁰. Анализируя с этой точки зрения юридическую конструкцию курортного сбора, можно выделить как основные элементы его состава, так и факультативные по аналогии с налоговыми платежами.

Так, в качестве объекта обложения устанавливается фактическое проживание плательщика курортного сбора в объекте размещения. При этом под объектом размещения понимается индивидуально определенное здание или помещение в здании, предназначенное для предоставления гостиничных услуг, услуг по временному коллективному или индивидуальному размещению, а также жилое помещение, пригодное для временного проживания (подп. 2 п. 1 ст. 3 Закона).

В качестве базы для исчисления сбора признаются количество дней фактического проживания плательщика. В качестве ставки сбора устанавливается размер сбора в рублях за день фактического проживания плательщика. Установлен также порядок исчисления, уплаты и перечисления курортного сбора (ст. 8 Закона).

Определен в законе и агент, осуществляющий перечисление сбора. В качестве такового определен оператор курортного сбора, под которым Закон понимает юридическое лицо или индивидуального предпринимателя, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации деятельность по предоставлению гостиничных услуг и (или) услуг по временному коллективному или индивидуальному размещению и (или) деятельность по обеспечению временного проживания (включая деятельность по предоставлению в пользование жилых помещений), в том числе в жилых помещениях (подп. 3 п. 1 ст. 3 Закона).

Усечённость юридической конструкции сбора по сравнению с налогом проявляется в том, что отсутствует налоговый период в понимании ст. 55 Налогового кодекса РФ, в которой под налоговым периодом понимается календарный год или иной период применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате, так как присутствие на курорте может быть нерегулярным и необязательным для плательщика сбора.

Факультативные элементы также присутствуют, в частности льготы в виде освобождения от уплаты курортного сбора установлены ст. 7 Закона. При этом субъекты Российской Федерации вправе установить законом субъекта Российской Федерации иные категории лиц, освобождаемые от уплаты курортного сбора, с учетом предложений муниципальных образований, на территории которых проводится эксперимент по взиманию курортного сбора.

С точки зрения уровня установления и ведения курортного сбора по действующему законодательству, пользуясь современной классификацией, его нельзя отнести к федеральному фискальному сбору, так как его элементы должны быть установлены законодательными органами государственной власти субъектов.

Так, согласно п. 3 ст. 5 Закона законом субъекта Российской Федерации устанавливаются территория эксперимента, размер курортного сбора, порядок и сроки его перечисления в бюджет субъекта Российской Федерации, порядок осуществления контроля за исполнением требований настоящего Федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, связанных с проведением эксперимента, порядок предоставления сведений о ходе эксперимента законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации, порядок размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет сведений о перечне построенных, реконструированных, благоустроенных и отремонтированных объектов курортной инфраструктуры.

Одновременно с этим законодатель реализует правовую конструкцию, которая позволяет учитывать интересы муниципальных образований, на территории которых проводится эксперимент. В частности, в п. 2 ст. 5 Закона предусматривается прекращение взимания курортного сбора на территории муниципального образования законом субъекта Российской Федерации на основании заявки соответствующего муниципального образования об исключении из территории эксперимента.

Зачисляется курортный сбор в бюджет субъекта РФ в Фонд развития курортной инфраструктуры (далее по тексту – Фонд) (ст. 9 Закона), который представляет собой

¹⁰ СЗ. 1998. № 31. Ст. 3824.

часть средств бюджета субъекта Российской Федерации, подлежащих использованию в целях развития курортной инфраструктуры. Это позволяет распространить на данный вид платежа все признаки, присущие доходам бюджета [8. С. 19–22].

При этом установлено, что бюджетные ассигнования Фонда направляются исключительно на финансовое обеспечение работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры на территории эксперимента.

Объем бюджетных ассигнований Фонда утверждается законом субъекта Российской Федерации о бюджете на очередной финансовый год и плановый период в размере не менее прогнозируемого объема доходов бюджета субъекта Российской Федерации от уплаты курортного сбора.

Бюджетные ассигнования Фонда направляются в форме межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта Российской Федерации бюджетам муниципальных образований, территории которых включены в территорию эксперимента, в целях финансового обеспечения работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры на их территориях с учетом особенностей, установленных ст. 13 Закона. Эти положения Закона не распространяются на объекты курортной инфраструктуры, находящиеся в федеральной собственности. С учетом этого очевидно, что законодатель, прежде всего, решает задачу обеспечения условий, при которых у муниципальных образований будут финансовые средства для развития курортной инфраструктуры. Тем самым государство стимулирует инициативу органов местного самоуправления курортных территорий экономическими мерами.

Перечень работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, подлежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований Фонда, определяется соглашением, заключенным между субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием об организации работ по развитию курортной инфраструктуры, с учетом предложений органов местного самоуправления. Бюджетный кодекс РФ¹¹ в ст. 35

устанавливает принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов. Это означает, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета, поэтому установление курортного сбора как неналогового даёт возможность придать поступлениям от них целевой характер и увязать с конкретными статьями расходов бюджета (п. 8 ст. 9 Закона).

Проблема недофинансирования местного самоуправления давно уже обсуждается экспертами и ощущается населением на их территориях [7. С. 8]. Насущность вопросов финансового обеспечения деятельности местного самоуправления учеными подчёркивалась и ранее. Так, ещё в 2011 г. В. М. Зуев и С. С. Кузнецов писали, что финансово-экономическое положение муниципальных образований практически беззащитно и в основном зависит от волеизъявления и финансовой обеспеченности субъектов Российской Федерации [9. С. 10].

И. В. Бабичев указывает, что «в финансово-бюджетной сфере местного самоуправления существенных подвижек по-прежнему не наблюдается. Конечно, скажут нам, трудно что-либо предпринимать в условиях экономического кризиса. Однако создание предпосылок для стимулирующей развитие системы муниципальной экономики, муниципального хозяйства есть как раз работа по преодолению этого самого кризиса муниципального уровня» [10. С. 54].

Можно отметить, что проблема усугубляется еще и тем, что муниципальным образованиям передаются части государственных функций. Полагают, что Конституция РФ¹², определяя решение вопросов местного значения как главную функцию органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 132), в то же время предусматривает возможность наделения муниципалитетов отдельными государственными полномочиями (ч. 2 ст. 132). Но фактически эти полномочия из «отдельных» превращаются в основные и преобладают в общей сумме полномочий органов муниципальной власти. В ряде городских округов и муниципальных районов расходы бюджетов на 60–70 % состоят из расходов на осуществление государственных полномочий [11. С. 16].

¹¹ СЗ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹² СЗ. 2014. № 31. Ст. 4398.

Можно сказать, что, устанавливая и вводя курортный сбор, законодатель предпринял попытку решить сложную задачу: найти источники финансирования расходов муниципальных образований, не увеличивая налоговую нагрузку на предпринимателей.

Ученые ещё до принятия закона высказывали мнение, что введение указанного платежа в настоящее время преждевременно, что обусловлено отсутствием единой стратегии туризма в России; преобладание же фискальной функции платежа скорее отпугнет потенциальных плательщиков от курортов, где он будет установлен, что приведет к еще большему снижению доходов муниципального бюджета и бюджета субъекта, налоговые доходы которых снизятся вслед за общими доходами предпринимателей, организующих отдых [7. С. 10].

Также высказывались мнения о том, что отсутствие очевидной индивидуальной возмездности делает подобные обязательные платежи очень похожими на налоги, и «такая псевдовозмездность позволит ввести любой сбор лишь в силу обеспечения целевого характера использования денежных средств» [2. С. 96].

Тем не менее, необходимо признать, что курортный сбор создаёт новые правовые возможности для финансирования решения задач, стоящих перед муниципальными образованияами. При этом установление юридической конструкции обязательного платежа осуществляется на федеральном уровне в форме федерального закона, а координирующая и организационная роль возлагается на субфедеральный уровень. В результате достигается баланс интересов между федеральным центром, регионами и местным самоуправлением.

Представляется, что одним из существенных условий успешности эксперимента установления курортного сбора будет и реальное осуществление финансового контроля эффективности и результативности использования средств, поступивших в бюджеты. Опыт, полученный в ходе реализации данного эксперимента, позволит отработать механизм взаимодействия всех уровней государственного и муниципального управления привлечения финансовых средств в бюджеты бюджетной системы для решения конкретных актуальных задач развития территорий.

Список литературы

1. Кучеров И. И. Теория налогов и сборов (правовые аспекты): Монография. М.: ЮрИнфоР, 2009. 473 с.
2. Нансо М. Б. Теоретические подходы к определению налога и сбора: экономико-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 91–100.
3. Омельхина Н. В. Обязывание в системе финансово-правового регулирования. Денежная обязанность как форма позитивного обязывания. Новосибирск, 2014. 204 с.
4. Бабич М. Е. Пробелы законодательства о курортах и перспективы введения курортного сбора в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11. С. 96–105.
5. Омельхина Н. В. Дискуссионные аспекты установления денежных обязанностей по сборам // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2015. Т. 11, № 4. С. 5–13.
6. Назаренко Б. А. К вопросу о правовой природе курортного сбора (платы за пользование курортной инфраструктурой) и возможности его установления в качестве налога (сбора) или фискального платежа неналогового характера // Финансовое право. 2017. № 5. С. 30–33.
7. Копина А. А., Копин Д. В. Сборы как источник целевого финансирования расходов бюджета субъекта и (или) муниципального образования // Финансовое право. 2017. № 4. С. 6–12.
8. Поветкина Н. А. К вопросу о признаках доходов бюджета // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 19–22.
9. Зуев В. М., Кузнецов С. С. Правовые основы финансов муниципальных образований в Российской Федерации: Учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 216 с.
10. Бабичев И. В. О некоторых актуальных тенденциях и задачах развития местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 46–54.
11. Васильев В. И. О некоторых приоритетах правового регулирования местного самоуправления // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 5–18.

D. V. Kukelko

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 690090, Russian Federation*

kdv001@yandex.ru

LEGAL NATURE AND FEATURES OF THE LEGAL STRUCTURE OF THE RESORT FEE UNDER THE CURRENT RUSSIAN LEGISLATION

The article deals with the legal nature and features of the legal design of the resort fee, established by Federal Law No. 214-FZ of July 29, 2017 «On conducting an experiment on the development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, the Altai Territory, the Krasnodar Territory and the Stavropol Territory». Attention is drawn to the fact that the resort fee is a universal practice and previously it was used in the USSR and the Russian Federation, however, it was canceled more than 10 years ago. Its introduction in the modern period has its own regularities and testifies to a new stage in the development of the system of compulsory payments in our country. With this in mind, the signs of a resort fee as a fiscal fee, as well as the specific features of the legal elements of this collection are examined. The article concludes that the legal structure of the collection will achieve a balance of interests between the federal center, regions and local self-government. It is emphasized that the experience gained during the implementation of this experiment will allow us to work out the mechanism of interaction of all levels of state and municipal management of attracting financial resources to the budgets of the budgetary system for solving specific urgent problems of territorial development.

Keywords: resort fee, fiscal fee, legal construction, legal elements, municipalities, regional budget, resort infrastructure, individual compensation, administrative responsibility, financial responsibility.

References

1. Kuchеров I. I. *Teoriya nalogov i sborov (pravovyye aspekty)* [Theory of taxes and fees (legal aspects)]. Monograph. Moscow, YurInfoR, 2009, 473 p. (in Russ.)
2. Napso M. B. *Teoreticheskiye podkhody k opredeleniyu naloga i sbora: ekonomiko-pravovoy aspekt* [Theoretical approaches to the definition of tax and collection: the economic and legal aspect]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, № 4, p. 91–100. (in Russ.)
3. Omelekhina N. V. *Obyazyvaniye v sisteme finansovo-pravovogo regulirovaniya. Denezhnaya obyazannost' kak forma pozitivnogo obyazyvaniya* [Lending in the system of financial and legal regulation. Monetary obligation as a form of positive liability]. Novosibirsk, 2014, 204 p. (in Russ.)
4. Babich M. E. *Probely zakonodatel'stva o kurortakh i perspektivy vvedeniya kurortnogo sbora v Rossii* [Spaces of legislation on resorts and the prospects for the introduction of resort fees in Russia]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2016, № 11, p. 96–105. (in Russ.)
5. Omelekhina N. V. *Diskussionnyye aspekty ustanovleniya denezhnykh obyazannostey po sboram* [Discussion aspects of the establishment of monetary duties on charges]. *Vestnik NSU. Series: Law*, 2015, vol. 11, no. 4, p. 5–13. (in Russ.)
6. Nazarenko B. A. *K voprosu o pravovoy prirode kurortnogo sbora (platy za pol'zovaniye kurortnoy infrastrukturoy) i vozmozhnosti yego ustanovleniya v kachestve naloga (sbora) ili fiskal'nogo platezha nenalogovogo kharaktera* [To the question of the legal nature of the resort fee (fees for using the resort infrastructure) and the possibility of its establishment as a tax (fee) or fiscal payment of a non-tax nature]. *Finansovoye pravo*, 2017, № 5, p. 30–33. (in Russ.)
7. Kopina A. A., Kopin D. V. *Sbory kak istochnik tselevogo finansirovaniya raskhodov byudzheta sub'yekta i (ili) munitsipal'nogo obrazovaniya* [Fees as a source of targeted financing of the budget of the subject and (or) the municipal entity]. *Finansovoye pravo*, 2017, № 4, p. 6–12. (in Russ.)

8. Povetkina N. A. K voprosu o priznakakh dokhodov byudzheta [On the question of signs of budget revenues]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2015, № 6, p. 19–22. (in Russ.)
9. Zuyev V. M., Kuznetsov S. S. Pravovyye osnovy finansov munitsipal'nykh obrazovaniy v Rossiyskoy Federatsii [Legal foundations of finance of municipalities in the Russian Federation: textbook]. Allowance. Tomsk, Izd-vo NTL, 2011, 216 p. (in Russ.)
10. Babichev I. V. O nekotorykh aktual'nykh tendentsiyakh i zadachakh razvitiya mestnogo samoupravleniya [About some actual tendencies and problems of development of local self-government]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2016, № 3, p. 46–54. (in Russ.)
11. Vasil'yev V. I. O nekotorykh prioritetakh pravovogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya [On some priorities of legal regulation of local self-government]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, № 3, p. 5–18. (in Russ.)

For citation:

Kukelko D. V. Legal Nature and Features of the Legal Structure of the Resort Fee under the Current Russian Legislation. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 47–54. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-47-54

УДК 343.7

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-55-61

Е. Ю. Антонова, М. Н. Романовская

*Хабаровский государственный университет экономики и права
ул. Тихоокеанская, 134, Хабаровск, 680042, Россия*

antonovy@yandex.ru, romanovskaya_mn@mail.ru

СУБЪЕКТ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Рассматриваются особенности субъекта хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами. Учитывая, что большую часть таких преступлений совершают руководители организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами, авторами изучен их правовой статус. В статье обосновывается необходимость разьяснения Пленумом Верховного Суда РФ вопроса квалификации хищения руководителем организации, осуществляющей управление многоквартирным домом, в случае его незаконного избрания или приема на работу.

Установлено, что характерным признаком субъекта хищений в рассматриваемой сфере является наличие у него организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий, что позволяет квалифицировать хищения как совершаемые с использованием лицом своего служебного положения. Этим обусловлена необходимость распространения примечания 1 к статье 201 Уголовного кодекса РФ на индивидуальных предпринимателей, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в отношении вверенного имущества.

Ключевые слова: субъект преступления, хищения, деятельность по управлению многоквартирными домами, использование служебного положения.

Разнообразие способов управления многоквартирными домами и организаций, осуществляющих управление ими, дает возможность гражданам сравнить качество такой деятельности, цены на жилищно-коммунальные услуги, формируемые разными управляющими организациями, состояние общего имущества соседних многоквартирных домов. Вопрос доверия к руководителям управляющих организаций становится особенно важным для собственников жилых помещений в многоквартирных домах, поскольку именно они наделены полномочиями по реализации решений общего собрания собственников, созданию комфортных и безопасных условий для проживания.

Руководитель управляющей организации – то лицо, которое может сделать дом и его

придомовую территорию образцовыми, ведь государством на протяжении многих лет формируется правовой и экономический механизмы для этого, а может загнать многоквартирный дом в долги за жилищно-коммунальные услуги, еле успевая латать дыры.

Деятельность по управлению многоквартирными домами – наиболее интенсивно развивающееся направление одной из базовых отраслей экономики – жилищно-коммунального хозяйства. Как известно, любые экономические преобразования влияют на состояние преступности. В. В. Лунеев пишет: «...экономика причинно предопределяет различные формы и уровни преступности» [1. С. 503]. В условиях происходящих изменений в обществе обнаруживаются и новые аспекты проблем, связанных с субъ-

Антонова Е. Ю., Романовская М. Н. Субъект хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 2. С. 55–61.

ектом преступления, а те из них, которые уже стали традиционными, наполняются новым содержанием [2. С. 5].

Появление такого вида экономической деятельности, как управление многоквартирными домами, создало условия для появления нового вида экономической преступности в этой сфере со своими особенностями, в том числе особенностями субъекта совершаемых преступлений.

Значительная часть хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами совершается руководителями управляющих организаций, председателями правлений товариществ собственников жилья (далее – ТСЖ), жилищных или жилищно-строительных кооперативов, иных специализированных потребительских кооперативов. Характеристика субъекта хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами во многом обусловлена законодательными требованиями к лицам, вовлеченным в эту сферу.

Деятельность по управлению многоквартирными домами может осуществляться непосредственно собственниками помещений в многоквартирном доме; ТСЖ (жилищно-строительными кооперативами, жилищными кооперативами или иными специализированными потребительскими кооперативами), осуществляющими управление многоквартирным домом без заключения договора управления с управляющей организацией; управляющими организациями, заключившими договор управления многоквартирным домом; застройщиками, управляющими многоквартирным домом до заключения договора управления многоквартирным домом с управляющей организацией¹.

При непосредственном способе управления собственники помещений сами решают все текущие вопросы управления многоквартирным домом, хищения практически исключаются, поскольку отсутствует как таковая консолидация денежных средств и управление ими.

Управление ТСЖ – вида товарищества собственников недвижимости (далее – ТСН) – подразумевает создание собственниками помещений в многоквартирном доме некоммерческой организации. Руководит деятель-

ностью ТСЖ и его правления председатель правления ТСЖ, чей правовой статус прямо закреплен ст. 149 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ).

Осуществляя руководство хозяйственной деятельностью ТСЖ и выступая от его имени, председатель правления ТСЖ обладает обширными полномочиями (ст. 137 ЖК РФ), ограниченными лишь компетенцией общего собрания собственников помещений (ч. 2 ст. 145 ЖК РФ), правления ТСЖ (ст. 148 ЖК РФ) и уставом.

Он имеет право заключать сделки, связанные с выполнением работ для собственников помещений в многоквартирном доме и предоставлением им услуг, пользоваться предоставляемыми банками кредитами, передавать по договору материальные и денежные средства лицам, выполняющим для ТСЖ работы и предоставляющим ТСЖ услуги, продавать и передавать во временное пользование, обменивать имущество, принадлежащее ТСЖ и др.

Функции председателя правления ТСЖ аналогичны функциям, которые в организации обычно выполняет единоличный орган управления юридических лиц. В настоящее время гражданским законодательством закреплен статус председателя ТСН как единоличного исполнительного органа².

Председатель правления ТСЖ осуществляет руководство его текущей деятельностью, включая организационно-распорядительные функции, заключающиеся в руководстве трудовым коллективом, формировании кадрового состава, и административно-хозяйственные функции, включающие в себя управление и распоряжение имуществом организации.

Перечисленные признаки полностью подпадают под понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, выступающего субъектом преступлений, посягающих на интересы службы в коммерческих и иных организациях.

Следовательно, при совершении хищений в форме мошенничества, присвоения или растраты председатель правления ТСЖ как субъект преступления будет наделен

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 14.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

квалифицирующим признаком лица, использующего свое служебное положение.

Такой подход сложился и в правоприменительной практике. Так, в Кызыле Д., председатель правления ТСЖ, являясь лицом, единолично распоряжавшимся денежными средствами ТСЖ, напечатала подложные платежные документы о перечислении 89 000 руб. на счет знакомого индивидуального предпринимателя, которого впоследствии попросила их снять со счета, 80 000 руб. передать ей, а 9 000 руб. оставить себе. Судом Д. справедливо признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, т. е. мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения³.

Жилищный кооператив или иной потребительский представляет собой такую же некоммерческую корпоративную организацию, что и ТСН. Правовой статус жилищного и жилищно-строительного кооперативов и их органов управления определен главой 11 ЖК РФ. В частности, председатель правления жилищного кооператива избирается правлением кооператива из своего состава на срок, определенный уставом, и наделен компетенцией обеспечивать выполнение решений правления кооператива без доверенности действовать от имени кооператива, в том числе представлять его интересы и совершать сделки, осуществлять иные полномочия, не отнесенные к компетенции общего собрания членов кооператива (конференции) или правления кооператива.

Однако полномочия, которые отнесены к исключительной компетенции председателя кооператива, не могут быть делегированы им другому лицу. Передача полномочий правления лицу, не являющемуся членом кооператива, противоречит закону, поскольку это противоречит смыслу кооперативного законодательства, ибо лишает права членов кооператива и сам кооператив в лице его органов на управление кооперативом⁴.

Такие нюансы зачастую выпадают из поля зрения судебно-следственных органов. Так, в Барнауле назначенная на должность управляющего жилищно-строительным кооперативом (далее – ЖСК) 3-на, не являвшаяся при этом членом ЖСК, растратила денежные средства ЖСК на оплату личного административного штрафа, в связи с чем признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ⁵.

Несмотря на отсутствие у 3-ней законных полномочий распоряжаться денежными средствами ЖСК, в данном случае, тем не менее, речь не может идти о ненадлежащем субъекте растраты. Пленум Верховного Суда РФ в свое время разрешил схожую проблему, встречающуюся при злоупотреблении или превышении должностных полномочий, разъяснив, что если лицо, назначенное на должность с нарушением требований или ограничений, установленных законом или иными нормативными правовыми актами, к кандидату на эту должность (например, при отсутствии диплома о высшем профессиональном образовании, необходимого стажа работы, при наличии судимости и т. п.), из корыстной или иной личной заинтересованности использовало служебные полномочия вопреки интересам службы либо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то такие действия следует квалифицировать соответственно как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий⁶.

Таким образом, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, нарушение закона при назначении на должность не означает признания такого лица ненадлежащим специальным субъектом должностного преступ-

³ Приговор Кызылского районного суда Республики Тыва от 17 июня 2010 г. Дело № 1-184/10 (3-59/10). URL: <https://rospravosudie.com/court-kyzylskij-rajonnyj-sud-respublika-tyva-s/act-101405678/> (дата обращения 26.08.2017).

⁴ Постановление ФАС Поволжского округа от 7 ноября 2012 г. по делу № А55-17552/2011. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2018).

⁵ Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 27 августа 2014 г. Дело № 1-371/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-g-barnaula-altajskij-kraj-s/act-460123131/> (дата обращения 27.08.2017).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.02.2018).

ления. Полагаем, аналогичного разъяснения требует факт незаконности избрания или приема на работу лица в коммерческую или иную организацию, осуществившего хищение.

Третий способ управления многоквартирным домом в соответствии с ЖК РФ заключается в привлечении профессиональной управляющей организации, имеющей лицензию на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. Управляющей организацией может стать любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы (коммерческие и некоммерческие организации) или индивидуальный предприниматель. Как правило, управляющие организации создаются в организационно-правовых формах хозяйственных обществ: акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью и государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Руководство текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом общества, и это только физическое лицо (директор, генеральный директор), если его функции не переданы управляющему, или единоличным исполнительным органом общества и коллегиальным исполнительным органом общества⁷.

Директор общества наделен такими же организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, как и председатель правления ТСЖ или жилищного кооператива.

В качестве управляющей организации может выступать государственное или муниципальное унитарное предприятие. Руководитель унитарного предприятия (директор, генеральный директор) является единоличным исполнительным органом унитарного предприятия. Он назначается собственником имущества унитарного предприятия и организует выполнение его решений. Руководитель унитарного предприятия действует от имени предприятия без доверенности, в том числе представляет его интересы, со-

вершает в установленном порядке сделки от имени унитарного предприятия, утверждает структуру и штаты унитарного предприятия, осуществляет прием на работу работников такого предприятия, заключает с ними, изменяет и прекращает трудовые договоры, издает приказы, выдает доверенности в порядке, установленном законом⁸.

Еще одним потенциальным субъектом хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами является индивидуальный предприниматель.

Отметим, что индивидуальные предприниматели не очень охотно вовлекаются в сферу управления многоквартирными домами. Официально информацию о себе заявили лишь 180 индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами⁹.

Не отличаясь по объему полномочий и выполняемых функций от вышеперечисленных руководителей юридических лиц, индивидуальные предприниматели, тем не менее, согласно ГК РФ, по своим обязательствам отвечают всем принадлежащим им, как гражданам, имуществом, а не имуществом организации.

Возникают справедливые вопросы: во-первых, отвечает ли индивидуальный предприниматель требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, и если да, то присущ ли ему как субъекту хищения в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами такой квалифицирующий признак, как использование лицом своего служебного положения?

О. В. Борисова негативно относится к возможности включения данного признака в утратившую ныне силу статью 159.4 УК РФ, обосновывая свою позицию, в том числе тем, что в результате этого уголовная ответственность индивидуальных предпринимателей и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой организации, за одинаковые действия будет различаться,

⁷ Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁸ О государственных и муниципальных предприятиях: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁹ Официальный сайт Государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства «Реформа ЖКХ». URL: <https://www.reformagkh.ru/mymanager/organization/search> (дата обращения 09.03.2018).

т. е. индивидуальные предприниматели выпадают из-под действия нормы о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности [3. С. 18].

В литературе при анализе мошенничества в предпринимательской деятельности высказано мнение о том, что обязательное вменение индивидуальному предпринимателю признака «использование своего служебного положения» при квалификации содеянного по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ неправильно, так как данный признак не является типичным для всех субъектов предпринимательского мошенничества [4. С. 128].

Не соглашаясь с таким подходом, считаем необходимым привести следующие доводы.

Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (примеч. 1 к ст. 201 УК РФ).

Индивидуальный предприниматель, безусловно, не является какой-либо организацией, поскольку осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. В то же время правоспособность индивидуального предпринимателя приравнена к правоспособности коммерческой организации. Это значит, что к нему применяются как правила, регулирующие деятельность коммерческих организаций, так и правила об обязательствах и ответственности, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Если вопрос о наличии у индивидуально-го предпринимателя организационно-распорядительных полномочий является дискуссионным и по нему имеется, на наш взгляд, недосказанная позиция Верховного Суда РФ, то как лица, управляющего имуществом многоквартирного дома, его административно-хозяйственные функции (управление

и распоряжение имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах), бесспорны.

Для хищения, совершенного в форме мошенничества путем злоупотребления доверием, характерно использование преступником с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам.

При присвоении или растрате похищенное имущество должно находиться в правомочном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества¹⁰.

Таким образом, формально не являясь работником какой-либо организации, индивидуальный предприниматель осуществляет деятельность по управлению многоквартирными домами как коммерческая организация, при этом в силу договора, заключенного с владельцами имущества, наделен, по крайней мере, административно-хозяйственными полномочиями в отношении этого имущества.

Верховный Суд РФ разъяснил, что лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примеч. 1 к ст. 201 УК РФ, относятся к лицам, использующим свое служебное положение¹¹.

Являясь стороной договора управления многоквартирным домом и лицом, обладающим в отношении управляемого имущества административно-хозяйственными функциями, индивидуальный предприниматель в силу этого договора наделен полномочиями и доверием жильцов, без которых совершение преступного посяательства на данные

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.02.2018).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.02.2018).

правоотношения было бы затруднено и даже невозможно.

Законодатель придал повышенную степень общественной опасности преступным деяниям лиц, использующих свое служебное положение, наделенных в связи с этим такими полномочиями, которые облегчают достижение преступных целей.

В связи с этим полагаем целесообразным примеч. 1 к ст. 201 УК РФ дополнить положением о включении индивидуального предпринимателя в систему специальных правоотношений и изложить его в следующей редакции: «Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы, а также в статьях 199.2 и 304 настоящего Кодекса признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. Положения настоящего пункта применяются к индивидуальным пред-

принимателям, временно либо по специальному полномочию выполняющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в отношении вверенного имущества».

Список источников

1. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: Учебник: В 2 т. М., 2011. Т. 1: Общая часть. 1003 с.
2. Антонова Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. 421 с.
3. Борисова О. В. Особенности мошенничества, присвоения и растраты, совершаемых лицом с использованием своего служебного положения // Уголовное право. 2015. № 5. С. 15–18.
4. Боровков А. А. О соответствии законодательного описания признаков мошенничества в сфере предпринимательской деятельности конституционному принципу равенства всех перед законом и судом // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 125–131.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2018

E. Yu. Antonova, M. N. Romanovskaya

*The Khabarovsk State University of Economics and Law
134 Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation*

antonovy@yandex.ru, romanovskaya_mn@mail.ru

A SUBJECT OF THEFT IN THE FIELD OF MULTI-APARTMENT BUILDINGS MANAGEMENT

The paper focuses on the peculiarities of the subject of theft in the field of multi-apartment buildings management. Given that most of these crimes are committed by heads of organizations that manage multi-apartment buildings, the authors studied their legal status. The article justifies the need for the Supreme Court of Russian Federation to clarify the theft offences committed by the head of the organization that manages the multi-apartment building if it is illegally elected or hired.

It is established that the characteristic feature of the subject of theft in the sphere in question is the existence of organizational, administrative or economic powers, which makes it possible to qualify theft, as committed with the use of the person's official position.

The authors argue that the application of Note 1 of Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation needs to extend to individual entrepreneurs, temporarily or by special authority performing administrative, administrative or economic functions with respect to entrusted property.

Keywords: subject of crime, theft, multi-apartment buildings management, person's official position.

References

1. Luneev V. V. Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii. Obshchaya chast' [The course of world and Russian criminology. General part]. Moscow, 2011, 1003 p. (in Russ.)
2. Antonova E. Yu. Kontseptual'nye osnovy korporativnoj (kollektivnoj) ugolovnoj otvetstvennosti [Conceptual foundations of corporate (collective) criminal responsibility]. St. Petersburg, Jurid. Tzentr Press, 2011, 421 p. (in Russ.)
3. Borisova O. V. Osobennosti moshennichestva, prisvoyeniya i rastraty, sovershayemykh litsom s ispol'zovaniyem svojego sluzhebnogo polozheniya [The peculiarities of fraud, misappropriation and embezzlement committed by a person misusing his/her official position]. *Criminal Law*, 2015, № 5, p. 15–18. (in Russ.)
4. Borovkov A. A. O sootvetstvii zakonodatel'nogo opisaniya priznakov moshennichestva v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti konstitucionnomu printsipu ravenstva vsekh pered zakonom i sudom [On the compliance of the legislative description of the signs of fraud in the field of entrepreneurial activity to the constitutional principle of equality of all before the law and the court]. *Russian Juridical Journal*, 2017, № 5, p. 125–131. (in Russ.)

For citation:

Antonova E. Yu., Romanovskaya M. N. A Subject of Theft in the Field of Multi-Apartment Buildings Management. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 55–61. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-55-61

В. Н. Некрасов

*Вологодский институт права и экономики ФСИН России
ул. Щетинина, 2, Вологда, 160022, Россия*

vnnekrasow@mail.ru

ПОНЯТИЕ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК ОСНОВА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследованы понятие, сущность и признаки инновационной деятельности. Автором проанализировано указанное понятие, отраженное в нормативно-правовых актах. Кроме того, рассмотрены точки зрения ученых, занимавшихся изучением инновационной деятельности. В работе на основании проведенного исследования предложено понятие указанного вида деятельности, его характерные признаки, а также основные отличия инновационной деятельности от инновационного процесса. Описанные на страницах статьи проблемы обосновывают необходимость разработки и принятия на федеральном уровне базового закона «Об основах инновационной деятельности в Российской Федерации», в котором следует устранить несогласованность различных нормативно-правовых актов в указанной сфере, а также существующий терминологический хаос понятий, связанных с производными от термина «инновационная деятельность».

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновации, инновационный процесс.

Последние несколько десятилетий для современного общества характерны невероятно быстрые скачки научно-технического и инновационного развития. Еще тридцать лет назад только писатели-фантасты верили в появление интеллектуального «софта» высокого уровня, генетически модифицированные организмы, альтернативные источники энергии. Между тем уже сегодня реальностью становится появление на улицах и в домах людей, не говоря уже о предприятиях, роботов. Многие ученые говорят о том, что в ближайшие годы эти роботы могут быть оснащены системами искусственного интеллекта высокого уровня. Инновационная деятельность обеспечивает экономический рост как отдельных регионов, так и государства в целом. В этой связи важнейшим вопросом является проблема обеспечения безопасности инновационной деятельности и ее результатов. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ в ка-

честве одного из приоритетных направлений национальной безопасности РФ названо обеспечение безопасности в области науки, техники и инновационной деятельности¹. Вместе с тем следует констатировать, что до настоящего времени ни в законодательстве, ни в специальной литературе нет четкого и единого понимания сущности и содержания инновационной деятельности.

В Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»² инновационная деятельность определяется как деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

² СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. В свою очередь, уже в ч. 2 ст. 67 Налогового кодекса³ говорится о том, что основанием предоставления инвестиционного налогового кредита является осуществление организацией внедренческой или инновационной деятельности, в том числе создание новых или совершенствование применяемых технологий, создание новых видов сырья или материалов. Получается, что законодатель как самостоятельные виды деятельности рассматривает внедренческую и инновационную, не отмечая при этом отличия одного вида деятельности от другого. В то же время в письме Инновационного совета при Совмине РСФСР от 19.04.1991 № 14-448, Минфина РСФСР от 14.05.1991 № 16/135В «Об инновационных (внедренческих) сферах деятельности» «инновационная деятельность» и «внедренческая деятельность» рассматриваются как синонимы. Такой вывод можно сделать из анализа следующего положения: «инновационной (внедренческой) считается деятельность по созданию и использованию интеллектуального продукта, доведению новых оригинальных идей до реализации их в виде готового товара на рынке»⁴. В другой статье Налогового кодекса РФ уже используется иное словосочетание: «ценными бумагами высокотехнологичного (инновационного) сектора экономики» (ст. 284 НК). Таким образом, авторы Налогового кодекса как синонимы рассматривают высокотехнологическую и инновационную сферы деятельности. Примечательно, что в Постановлении Правительства РФ от 26.08.1995 № 827 (ред. от 10.07.1998) «О Федеральном фонде производственных инноваций» инновационная деятельность рассматривается также как подготовка и освоение производства принципиально новых видов продукции и технологий⁵. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что у разработчиков нормативно-правовых актов и методических рекомендаций по их применению нет четкого понимания сущности и содержания инновационной деятельности.

В отношении понятия «инновационная деятельность» в литературе также сущест-

вует множество трактовок. Так, Д. И. Кокурин отмечает, что инновационная деятельность в узком (сугубо экономическом) смысле направлена на обеспечение нового уровня взаимодействия факторов производства благодаря использованию новых научно-технических знаний. Содержанием инновационной деятельности являются создание и распространение новшеств в материальном производстве [1. С. 23]. По мнению С. Д. Ильенковой, инновационная деятельность – это деятельность по доведению научно-технических идей, изобретений, разработок до результата, пригодного в практическом использовании. В полном объеме инновационная деятельность включает все виды научной деятельности, проектно-конструкторские, технологические, опытные разработки, деятельность по освоению новшеств в производстве и их потребителями – реализацию нововведений [2. С. 78].

Н. М. Конин, В. В. Журик, М. П. Петров понимают под инновационной деятельностью деятельность по созданию и использованию интеллектуального продукта, доведению новых оригинальных идей до реализации их в виде готового рыночного товара. Данные авторы раскрывают инновационную деятельность посредством отражения внедренческого аспекта данного вида человеческой деятельности, состоящего из следующих этапов: создание, использование и доведение до реализации [3. С. 251].

К. А. Писенко отмечает, что инновационная деятельность – это деятельность, способствующая внедрению новых эффективных технологий в различные процессы общественного строительства и дающая качественно и/или количественно лучший (большой) результат в определенной сфере общественной жизни, в том числе в сфере производства, науки, управления и т. д., достижение которого обусловлено именно инновационностью изобретения, методов, подходов, материалов, приемов и других элементов созидательного процесса [4. С. 87].

О. В. Гутников понимает под анализируемым понятием вид предпринимательской деятельности, т. е. для инновационной деятельности характерны наличие самостоятельности, рискованного характера и направленность на получение прибыли [5. С. 766].

И. Н. Кардаш определяет инновационную деятельность как разновидность хозяй-

³ СЗ РФ. 1998. № 38. Ст. 3824.

⁴ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.12.2017).

⁵ СЗ РФ. 1995. № 36. Ст. 3540.

ственной (экономической) деятельности, связанной с созданием и внедрением в гражданско-правовой (имущественный) оборот новых знаний, приобретающих гражданско-правовую форму объекта интеллектуальных прав [6. С. 48]. М. В. Волынкина полагает, что инновационную деятельность можно определить как деятельность по созданию и вовлечению в имущественный оборот новых знаний, обладающих признаками правовой охраны [7. С. 80].

Примечательно, что ученые юристы под инновационной деятельностью понимают достаточно широкий спектр возможных видов деятельности (научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), в то время как экономисты трактуют указанный вид деятельности преимущественно как научно-техническую и иную творческую деятельность. Представляется, что второй вариант является более предпочтительным, поскольку, если трактовать инновационную деятельность очень широко, это приведет к искажению ее сущности и излишне расплывчатому и неопределенному пониманию ее содержания.

К сожалению, в ряде случаев понятие «инновационная деятельность» отождествляется с понятием «инновационный процесс». Так, например, В. Ф. Уколов отождествляет понятия «инновационная деятельность» и «инновационный процесс». По мнению автора, «инновационная деятельность есть инновационный процесс», начинающийся с новой идеи, ее вызревания и дальнейшего воплощения в продукт (услугу, технологию) и заканчивающийся распространением» [8. С. 109]. Инновационная деятельность – это различные действия, направленные на создание инновации. Такие действия могут реализовываться на одном или нескольких этапах инновационного процесса, причем как на первом этапе инновационного процесса, так и на последнем. Иными словами, инновационная деятельность – это необязательно совокупность последовательных этапов. Кроме того, как верно отмечено в Руководстве Осло, инновационная деятельность включает также исследования и разработки, не связанные напрямую с подготовкой какой-либо конкретной инновации [9. С. 35]. Инновационная деятельность может быть направлена не только на создание инновационного продукта, инновации, но и на соз-

дание инновационной инфраструктуры, т. е. условий для появления инновации. Вместе с тем создание инновационной инфраструктуры должно выражаться не в какой-либо коммерческой или предпринимательской деятельности, а именно в исследованиях и разработках, направленных на создание условий для появления инновации. Если инновация – это результат, то инновационная деятельность – это процесс, направленный на достижение этого результата. Это, прежде всего, работа, а не результат. Инновационная деятельность по своей сути является связующим звеном между научной (творческой) и производственной сферами и предполагает синтез научной деятельности и материального производства.

Итак, инновационная деятельность – это вид интеллектуальной деятельности, представляющий собой различные действия, направленные на создание инновации, внедрение ее в производство, а также исследования и разработки, способствующие ее получению. К последнему может относиться, например, создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Если сравнивать понятия «инновационная деятельность» и «инновационный процесс», то представляется, что для юриспруденции более подходящим является понятие «инновационная деятельность», поскольку оно позволяет более точно выделить и установить конкретные права и обязанности субъектов правоотношений.

Перечисленные проблемы обосновывают необходимость разработки и принятия на федеральном уровне базового закона «Об основах инновационной деятельности в Российской Федерации», в котором следует закрепить и тем самым устранить несогласованность различных нормативно-правовых актов в указанной сфере, а также существующий терминологический хаос понятий, связанных с производными от термина «инновационная деятельность». Указанный федеральный закон позволит сформировать и нормативно закрепить основные положения государственной политики в сфере инновационной деятельности, в том числе вопросы организации охраны указанного вида деятельности.

Список литературы

1. Кокурин Д. И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001. 576 с.

2. Ильенкова С. Д. Инновационный менеджмент. М.: ЮНИТИ, 2008. 335 с.
 3. Административное право Российской Федерации: Учеб.-метод. комплекс / Н. М. Конин, В. В. Журик, М. П. Петров; под ред. Н. М. Кониной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2006. 562 с.
 4. Писенко К. А. Публично-правовая охрана объектов исключительных прав как механизм стимулирования инновационной деятельности и место публично-правовых институтов конкурентно-правового регулирования в данной системе // Административное право. 2009. № 3. С. 86–93.
 5. Предпринимательское право: Учебник / Отв. ред. Г. Ф. Ручкина. М.: Юрайт-Издат, 2009. 892 с.
 6. Кардаш И. Н. Механизм правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 205 с.
 7. Волынкина М. В. Правовое регулирование инновационной деятельности: проблемы теории. М., Аспект Пресс, 2007. 192 с.
 8. Уколов В. Ф., Галайда В. А., Мазин С. С. Инновационный менеджмент в государстве и бизнесе / Под ред. В. Ф. Уколова. М.: Экономика, 2009. 396 с.
 9. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. М., 2010. 158 с.
- Материал поступил в редколлегию 20.03.2018*

V. N. Nekrasov

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
2 Shchetinin Str., Vologda, 160022, Russian Federation*

vnnekrasov@mail.ru

THE CONCEPT OF INNOVATIONS IN THE RUSSIAN LEGISLATION AS THE BASIS FOR QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INNOVATIVE ACTIVITY

The article examines the concept, essence and features of innovative activity. The author analyzes the specified concept reflected in normative legal acts. In addition, the views of scientists engaged in the study of innovation are considered. In work, on the basis of the carried-out research the concept of the specified type of activity, its characteristic signs, and also the main differences of innovative activity from innovative process is offered. The problems described on the pages of the article justify the need to develop and adopt at the Federal level the basic law "on the basics of innovation in the Russian Federation", which should consolidate and thereby eliminate the inconsistency of various regulatory legal acts in this area, as well as the existing terminological chaos of concepts associated with derivatives of the term innovation.

Keywords: innovation, innovation, innovation process.

References

1. Kokurin D. I. Innovatsionnaya deyatel'nost' [Innovative activities]. Moscow, Exam, 2001, 576 p. (in Russ.)
2. Ilyenkov D. Innovatsionnyy menedzhment [Innovation management]. Moscow, YUNITI, 2008, 335 p. (in Russ.)
3. Administrativnoye pravo Rossiyskoy Federatsii [Administrative law of the Russian Federation]: studies.-method. complex / N. M. Konin, V. V. Juric, M. P. Petrov; ed. M. Horse. 2nd ed.]. Moscow, Norma, Infra-M, 2006, 562 p. (in Russ.)
4. Pisenko K. A. Publichno-pravovaya okhrana ob'yektov isklyuchitel'nykh prav kak mekhanizm stimulirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti i mesto publichno-pravovykh institutov konkurentno-pravovogo regulirovaniya v dannoy sisteme [Public-legal protection of objects of exclusive rights as a mechanism of stimulation of innovative activity and a place of public-legal institutions of

competitive-legal regulation in the given system]. *Administrativnoe pravo*, 2009, no. 3, p. 86–93. (in Russ.)

5. *Predprinimatel'skoye pravo* [Entrepreneurial law]: textbook. Ed. by G. F. Ruchkina. Moscow, Yurait-Izdat, 2009, 892 p. (in Russ.)

6. Kardash I. N. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [The mechanism of legal regulation of innovative activity in the Russian Federation]. Diss. ... kand. the faculty of law. sciences'. Moscow, 2013, 205 p. (in Russ.)

7. Volynkina M. V. *Pravovoye regulirovaniye innovatsionnoy deyatel'nosti: problemy teorii*. [Legal regulation of innovation activity: problems of theory]. Moscow, Aspect Press, 2007, 192 p. (in Russ.)

8. Ukolov V. F., Galaida V. A., Mazin S. S. *Innovatsionnyy menedzhment v gosudarstve i biznese* [Innovation management in the state and the business]. Ed. by V. F. Ukolov. Moscow, Economy, 2009, 396 p. (in Russ.)

9. *The Oslo Manual. Rekomendatsii po sboru i analizu dannykh po innovatsiyam* [Recommendations for the collection and analysis of data on innovation]. Moscow, 2010, 158 p. (in Russ.)

For citation:

Nekrasov V. N. The Concept of Innovations in the Russian Legislation as the Basis for Qualification of Crimes in the Field of Innovative Activity. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 62–66. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-2-62-66

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права» (Хабаровск, Россия)

Бузмаков Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, магистрант по направлению «Юриспруденция» юридического факультета Сибирского института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Новосибирск, Россия)

Бузмакова Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», доцент кафедры «Гражданско-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (Новосибирск, Россия)

Ваймер Евгения Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и административного права Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

Кошелева Ирина Альбертовна – ассистент кафедры административного и финансового права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирск, Россия)

Кукелко Дмитрий Викторович – старший преподаватель кафедры административного и финансового права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирск, Россия)

Лисица Валерий Николаевич – заведующий кафедрой гражданского и гражданского процессуального права юридического факультета Новосибирского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)

Некрасов Василий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН России» (Вологда, Россия)

Рабец Анна Максимовна – доктор юридических наук, профессор, научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований ФГАОУ ВО «Томский национальный исследовательский государственный университет» (Томск, Россия)

Романовская Марина Николаевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права» (Хабаровск, Россия)

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать» – 18284, в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п.л., научного сообщения – 0,5 п.л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12. С. 37].

В конце статьи помещается список литературы в **порядке цитирования**. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий),

¹ См. онлайн справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы (с указанием почтового адреса и индекса);
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail (*обязательно*), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

В статье рассматривается ...

Ключевые слова: регламент, соглашение, принцип.

Основной текст статьи...

Список литературы

1. *Гладышев С. И.* Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. *Проскурин С. Г.* Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 2. С. 11–18.
3. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford: Oregon, 2005. 208 p.

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
I Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ivanov@mail.ru

EUROPEAN LAW

The current article deals with ...

Keywords: regulations, agreement, principle.

References

1. Gladyshev S. I. Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
2. Proskurin S. G. Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, pt. 2, p. 11–18. (in Russ.)
3. On Non-commercial Organizations: Federal Law dated 12.01.1996, № 7-FZ. *CL RF*, 1996, № 3, art. 145. (in Russ.)
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford, Oregon, 2005, 208 p.

Сведения об авторе:

- Иванов Иван Иванович
- ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
- доцент
- кандидат юридических наук, доцент
- ivanov@mail.ru
- Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru